THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

Shenshin, Afanasii Afanas'evich

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. ФЕТА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ П. СТЕПАНОВА.
1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Декабря 14 дня 1847 года.

Ценсоръ *В. Лешковъ.*

Стихотворенія.

СНѢГА.

I.

Я Русской, я люблю молчанье дали мразной,
Подъ пологомъ снѣговъ, какъ смерть однообразной....
Лѣса подъ шапками иль въ инеѣ сѣдомъ,
Да рѣчку звонкую подъ темносинимъ льдомъ.
Какъ любятъ находить задумчивые взоры,
Завѣянные рвы, навѣянныя горы,
Былинки сонныя, иль средь нагихъ полей,
Гдѣ холмъ причудливый, какъ нѣкій мавзолей,
Изваянъ полночью, — круженье вихрей дальныхъ
И блескъ торжественный при звукахъ погребальныхъ.

II.

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снѣгѣ вижу утромъ
Легкій оттискъ башмачка.

Правда, ночь при свѣтѣ лунномъ
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты не даромъ, другъ мой,
Покидаешь ложе сна.
Брилліанты въ свѣтѣ лунномъ,
Брилліанты въ небесахъ,
Брилліанты на деревьяхъ,
Брилліанты на снѣгахъ.
Но боюсь я, другъ мой милый,
Чтобы въ вихрѣ духъ ночной
Не завѣялъ бы тропинку,
Проложеннную тобой.

III.

Вотъ утро сѣвера—сонливое, скупое,
Лѣниво смотрится въ окно волоковое;
Въ печи трещитъ огонь — и сѣрый дымъ ковромъ
Тихонько стелется надъ кровлею съ конькомъ.
Пѣтухъ заботливый, копаясь на дорогѣ,
Кричитъ.... а дѣдушка брадатый на порогѣ
Кряхтитъ и крестится схватившись за кольцо,
И хлопья бѣлые летятъ ему въ лицо.
И полдень настаетъ. Но, Боже! какъ люблю я,
Какъ тройкою ямщикъ кибитку удалую
Промчитъ — и скроется.... И долго, мнится мнѣ,
Звукъ колокольчика трепещетъ въ тишинѣ.

IV.

Вѣтеръ злой, вѣтръ крутой въ полѣ
Заливается,
А сугробъ на степной волѣ
Завивается.
При лунѣ, — на верстѣ морозъ
Огонечками, —
Про живыхъ вѣтеръ вѣсть пронесъ
Съ позвоночками.
Подъ дубовымъ крестомъ свиститъ,
Раздувается.
Сѣрый заяцъ степной хруститъ,
Не пугается.

V.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда,
Вѣтвей концы висятъ, —
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

VI.

Котъ поётъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.
«Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться,
Да и спать себѣ ступай.«
Мальчикъ всталъ. А котъ глазами
Поводилъ и все поётъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

VII.

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна.
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

VIII.

Ночь свѣтла, морозъ сіяетъ,
Выходи — снѣжокъ хруститъ;

Пристяжная озябаетъ
И на мѣстѣ не стоитъ.
Сядемъ — полость застегну я, —
Ночь свѣтла и ровенъ путь.
Ты умолкнешь — замолчу я
И пошелъ куда нибудь.
И летучею ѣздою
Зимней ночью при лунѣ,
Я душѣ твоей раскрою
Все, что ясно будетъ мнѣ.

IX.

На двойномъ стеклѣ узоры
    Начертилъ морозъ,
Шумный день — свои дозоры
    И гостей унесъ;
Смолкнулъ яркій говоръ сплетней,
    Скучный голосъ дня:
Благодатнѣй и привѣтнѣй
    Все кругомъ меня.
Предъ горящими дровами
    Сядемъ — тамъ тепло.
Мѣсяцъ быстрыми лучами
    Пронизалъ стекло.
Ты хитрила, ты скрывала,
    Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
    Ты утомлена.

Но люблю я утомленье
    Это созерцать:
. . . .
    . . . .
Въ торжествѣ успокоенья
    Свѣтлой красоты,
Безъ улыбки, безъ движенья,
    Мнѣ понятна ты.

ГАДАНІЯ.

I.

Зеркало въ зеркало, съ трепетнымъ лепетомъ,
Я при свѣчахъ навела,
Въ два ряда свѣтъ — и таинственнымъ трепетомъ
Чудно горятъ зеркала.
Страшно припомнить душой оробѣлою —
Тамъ за спиной нѣтъ огня —
Тяжкое что-то надъ шеею бѣлою,
Плаваетъ, давитъ меня!
Ну — какъ уставятъ гробами дубовыми
Весь этотъ рядъ между свѣчь, —
Ну, какъ лохматый съ глазами свинцовыми
Выглянетъ вдругъ изъ-за плечь!
Ленты да радуги, ярче и жарче дня —
Чтожь?... обернись, погляди!...
Суженый! золото, сѐребро!... Чуръ меня,
Чуръ меня — сгинь, пропади!

II.

Слушай одна ты — намъ не годится
Мертвая тишь!...
Только и слышно, чуть шевелится
Рѣзвая мышь.

»Чу! не стучите! кто-то шагаетъ
Вдоль закромовъ....
Сыплетъ да сыплетъ, пересыпаетъ
Рожь изъ мѣшковъ.
Сыплетъ орѣхи, деньги считаетъ,
Шубой шумитъ,
Всѣмъ надѣляетъ, все обѣщаетъ,
Только сердитъ.«
Ну, а тебѣ что? «Тише, сестрицы!
Что-то несутъ:
Такъ и трясутся всѣ половицы, —
Что-то поютъ;
Гробъ забиваютъ крышей большою,
Кто-то завылъ!
Страшно, сестрицы! знать надо мною
Шутъ подшутилъ.«

III.

Ночь крещенская морозна,
Будто зеркало — луна.
«Побѣгу: еще не поздно,
Да боюсь идти одна.«
Я, сестрица, за тобою
Не пойду — одна иди!
Я съ тобою, за избою —
Наводи да наводи!
Ничего: пёсъ рябый ходитъ,
Вотъ и сѣрый у воротъ...

И красавица наводитъ,
И никакъ не наведетъ.
«Вижу, вижу! потянулись:
Разъ, два, три, четыре, пять....
Заструились, покачнулись,
Стало только три опять.
Ну, захочетъ почудесить,
Со страстей рехнуся я....
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Чешуя какъ чешуя....
Вотъ одиннадцать — все лица, —
«Вотъ собаки лай и вой...
Чуръ меня!...« — Ну что, сестрица? —
«Раскрасавецъ молодой!«

VI.

Помню я: — старушка няня
Мнѣ въ рожественской ночи,
Про судьбу мою гадала,
При мерцаніи свѣчи,
И на картахъ выходили
Интересы да почетъ.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманулъ тебя расчетъ;
Но за то уже влюбился
Твой воспитанникъ не въ мочь.
Погадай мнѣ, другъ мой няня,
Нынче святочная ночь.

Что? Не будетъ ли свиданья,
Разговоровъ иль письма?
Выйдетъ пиковая дама
Иль бубновая сама?
Няня добрая гадаетъ,
Грустно голову склоня;
Свѣчка тихо нагораетъ,
Сердце бьется у меня.

V.

Перекрестокъ, гдѣ ракитка
И стоитъ и спитъ:
Тихо ветхая калитка
За плетнемъ скрыпитъ.
Кто-то крадется сторонкой: —
Санки пробѣгутъ:
И вопросъ раздастся звонкой:
Какъ тебя зовутъ?...
И отвѣтъ, какъ голосъ рока,
Прозвучитъ въ расплохъ:
Тѣлогрѣйку имъ высоко
Приподниметъ вздохъ.

МЕЛОДІИ.

1.

Перлы восточные — зубы у ней,
Шелкъ шемаханскій — коса;
Мягко и ярко, что утро весной,
Свѣтятъ большіе глаза.
Перси при каждомъ вдыханьи у ней
Такъ выдаются впередъ,
Будто двѣ полныя чаши на грудь
Ей опрокинулъ Эротъ;
Если же съ чувствомъ скажетъ: »люблю« —
Чувство и слово лови!
Къ этому слову — ты словъ не найдешь, —
Чувства для этой любви.

2.

Какъ умъ къ ней идетъ, какъ къ ней чувство идетъ,
Какъ чувство съ умомъ въ ней умѣетъ сродниться,
Умѣетъ родное найти — и на немъ
Такъ ярко и тонко всегда отразиться.
Сквозь ставень окна, серебристымъ лучемъ
Такъ въ спальню прекрасной луна проникаетъ,
На столъ упадетъ — и нашедши на немъ
Алмазъ позабытый, съ алмазомъ играетъ.

3.

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой....
Ближе другъ къ другу чѣмъ мы,
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣй,
Мы не умѣемъ любить.
Если же ты — предо мной
Грустно головку склоня, —
Мнѣ такъ отрадно съ тобой:
Не отходи отъ меня!

4.

Утромъ курится поляна,
Вьется волнистый туманъ,
И на развивы тумана
Весело смотритъ Титанъ.
Шире грудей колыханье,
Локонъ свивается вновь, —
Слаще младое дыханье
И непорочнѣй любовь....
Утро какъ сонъ новобрачной,
Полно стыда и огня —
Все, что вечоръ было мрачно,
Ясно въ сіяніи дня.

5.

Тихая, звѣздная ночь....
Трепетно свѣтитъ луна:
Сладки уста красоты
Въ тихую, звѣздную ночь.

Дѣва — радость любви!
Звѣзды что очи твои:
Въ небѣ луна и въ водѣ,
Будто печаль и любовь.

Другъ мой! я звѣзды люблю
И отъ печали не прочь,
Ты же, еще мнѣ милѣй
Въ тихую, звѣздную ночь.

6.

Я полонъ думъ, когда, закрывши вѣжды,
Внимаю шумъ
Младаго дня и молодой надежды:
Я полонъ думъ.
Я все съ тобой, когда рука неволи
Владѣетъ мной —
И цѣлый день, будь ясно ли, темно ли —
Я все съ тобой.
Я жду тебя подъ сладкій шумъ фонтана,
И потопя
Туда глаза, гдѣ крадется Діана —
Я жду тебя.

7.

Буря на не́бѣ вечернемъ,
Моря сердитаго шумъ —
Буря на мо́рѣ и думы,
Много мучительныхъ думъ —
Буря на мо́рѣ и думы,
Хоръ возрастающихъ думъ —
Черная туча за тучей,
Моря сердитаго шумъ.

8.

Давноль подъ волшебные звуки
Носились по залѣ мы съ ней?
Теплы были нѣжныя руки,
Теплы были звѣзды очей.

Вчера пѣли пѣснь погребенья,
Безъ крыши гробница была;
Закрывши глаза, безъ движенья, —
Она подъ парчею спала.

Я спалъ.... надъ постелью моею
Стояла луна мертвецомъ:
Подъ чудные звуки мы съ нею
Носились по залѣ вдвоемъ.

9.

NOCTURNO.

Ты спишь одинъ, забытъ на мѣстѣ дикомъ,
Старинный монастырь!
Твой сводъ упалъ; кругомъ летаютъ съ крикомъ
Сова и нетопырь.

И стеколъ нѣтъ, и свищетъ вихорь ночи
Во впадину окна,
Да плющь растетъ, да устремляетъ очи
Полночная луна.

И кто-то тамъ мелькаетъ въ свѣтѣ лунномъ,
Блеститъ его уборъ —
И слышатся на пòмостѣ чугунномъ
Шаги и звуки шпоръ.

И грустную симфонію печали
Звучитъ во тьмѣ органъ....
То тихо все, какъ будто вѣчно спали
И стѣны и органъ.

10.

Когда я блестящій твой локонъ цѣлую
И жарко дышу такъ на милую грудь —
Зачѣмъ говоришь ты про дѣву иную
И въ очи мнѣ прямо не смѣешь взглянуть?

Хоть вечеръ и близокъ, не бойся! Отъ стужи
Тебя я въ широкій свой плащь заверну —
Луна не въ туманѣ, а звѣздъ хоть и много,
Но мы заглядимся съ тобой на одну.
Хоть въ сердце не вѣруй.... хоть вѣруй въ мгновенье,
И взоръ мой, и трепетъ, и лепетъ пойми —
И жаркимъ лобзаньемъ спаливши сомнѣнье,
Ревнивая дѣва меня обоймы!

11.

Въ рукѣ съ тамбуриномъ, въ глазахъ съ упоеньемъ —
Ты гнешься и вьешься, плывешь и летишь:
Такъ чуткая травка подъ грезы Эола.
Подъ сонную арфу качается въ тиш
Такъ въ тѣлѣ, такъ въ членахъ, объятыхъ забвеньемъ,
Одно безъустал ое сердце стучитъ,
Въ тотъ часъ, какъ при звѣздахъ недвижныхъ, холодныхъ,
Одна яркой искрою къ безднѣ летитъ.

12.

Я узнаю тебя и твой бѣлый вуаль,
Гдѣ роняетъ цвѣты благовонный миндаль,
За рѣшеткою сада, съ лихаго коня,
И въ ночи при лунѣ, и въ сіяніи дня;
И гитару твою далеко слышу я,
Подъ журчанье фонтана и пѣснь соловья....
Днемъ и ночью гляжу сквозь рѣшетку я вдаль —
Не мелькнетъ ли въ саду бѣлоснѣжный вуаль.

13.

Мы ѣхали двое.... Подъ нею
Шелъ мѣрно и весело мулъ;
Мы въѣхали молча въ аллею,
И лучь изъ за мирты блеснулъ.
Всѣ гроздья по темной аллеѣ
Зажглися прощальнымъ огнемъ —
Горятъ все свѣтлѣе, алѣе,
И вотъ мы въ потемкахъ вдвоемъ.
Не бойтесь, синьора! Я съ вами —
И ручку синьоры я взялъ,
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ея цѣловалъ.

14.

За красавицу сосѣдку,
За глаза ея —
Виноградную бесѣдку
Не забуду я.
Помню вѣтреной смуглянки
Рѣзкій, долгій взоръ —
Помню милой итальянки
Утренній уборъ....
Жаркой груди половину,
Смоль ея кудрей —
И плетеную корзину
На рукѣ у ней.

И прозрачной тѣни сѣтку
На лицѣ ея —
Виноградную бесѣдку
Не забуду я.

15.

Теплымъ вѣтромъ потянуло,
Смолкъ далекій гулъ....
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы,
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.
Только хоръ свой огибаетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.
Да и тотъ задремлетъ чутко —
Не усну лишь я....
Огонекъ блеснулъ... малютка
Вѣрно ждетъ меня.

Между счастіемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство.
Не клянись мнѣ, я вѣрю: я точно любимъ,
И похвально твое постоянство;
Я и самъ и люблю и ласкаю тебя.
Эти локоны чудно-упруги!
Сколько вѣры въ глазахъ!... Я скажу не шутя:
Мнѣ не выбрать милѣе подруги.
Но къ чему тутъ обманъ? Говоримъ что хотимъ;
И къ чему осторожное чванство?
Между счастіемъ вѣчнымъ твоимъ и моимъ
Безконечное, другъ мой, пространство.

2.

Если зимнее небо звѣздами горитъ
И мечтательно свѣтитъ луна,
Предо мною твой образъ, твой дивный скользитъ,
Предо мною ты вся создана
И свѣтла и легка, ты несешься туда.
Я гляжу и молю хоть слѣдовъ.
И свѣтла и легка — но зато ни слѣда;
Только грудь обуяетъ любовь,
И летѣлъ бы, летѣлъ за красою твоей.
И пускай въ небѣ звѣзды горятъ,
И быстрѣй и свѣтлѣй миріады лучей
На пылинки ночны глядятъ.

3.

Полуночные образы рѣютъ,
Блещутъ искрами ярко въ потьмахъ;
Но глаза различить не умѣютъ,
Многоль ихъ на тревожныхъ крылахъ.
Полуночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ снѣ,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ;
Но о чемъ это стонутъ онѣ?
Полуночные образы воютъ,
Какъ духовъ испугавшійся пёсъ.
Я боюся, они мнѣ откроютъ,
Что я самъ ихъ призывъ произнёсъ.

4.

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекія звѣзды вглядясь, —
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.
Я думалъ.... не помню, что думалъ;
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ....

5.

Шумѣла полночная вьюга
Въ лѣсной и глухой сторонѣ;
Мы сѣли съ ней другъ подлѣ друга —
Валежникъ свисталъ на огнѣ.

И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу,
А въ сердцѣ ни искры отрады
И нѣчѣмъ прогнать эту тьму!
Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной....
О, другъ мой! скажи, что съ тобою?
Я знаю давно что̀ со мной.

6.

Улыбка томительной скуки
Средь общей веселія жажды....
Вы, полные, сладкіе звуки —
Знать сердцу не слушать ихъ дважды....
За чѣмъ же за тающей скрипкой
Такъ сердце въ груди встрепенулось,
Какъ-будто знакомой улыбкой
Минувшее вдругъ улыбнулось?
Такъ томно и грустно – небрежно
Въ свой міръ разцвѣченный уноситъ
И ластится къ сердцу такъ нѣжно,
И такъ умилительно проситъ?
Подъ сладостный голосъ роднаго,
Въ завѣтной святынѣ раздумья,
Такъ много трепещетъ былаго,
И молитъ у сердца безумья;
Но ѣдкія слёзы разлуки
Душевной не уняли жажды: —
Вы, полные, сладкіе звуки,
Знать сердцу не слушать ихъ дважды!...

7.

(СЕРЕНАДА).

Тихо вечеръ погараетъ
Горы золотя;
Знойный воздухъ холодаетъ —
Спи мое дитя.
Соловьи давно запѣли,
Сумракъ возвѣстя;
Струны робко зазвенѣли —
Спи мое дитя.
Блещутъ ангельскія очи,
Трепетно свѣтя;
Такъ легко дыханье ночи —
Спи мое дитя.
Такъ легко и такъ привольно
Страсти укротя,
Въ сердцѣ вымолвишь невольно:
Спи мое дитя.

8.

Тихо ночью на степи
Небо ей сказало: спи!
И курганы спятъ;
Звѣзды жъ крупныя въ лучахъ
Говорятъ на небесахъ:
Вѣчный Святъ, Святъ, Святъ!
Въ небѣ чутко и свѣтло.
Неподвижное крыло

За плечемъ молчитъ,
Нѣтъ движенья; лишь порой
Брилліантовой слезой
Ангелъ пролетитъ.

9.

За кормою струйки вьются,
Мы несемся въ челнокѣ
И далёко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.
Млечный путь глядится въ воду —
Свѣтлый праздникъ свѣтлыхъ лѣтъ!
Я весломъ прибавилъ ходу
И луна бѣжитъ во слѣдъ.
По неволѣ пѣсни вьются:
Ты съ гитарою въ рукѣ,
И далёко раздаются
Звуки Нормы по рѣкѣ.

10.

ИЗЪ БАЙРОНА.

О солнце, глазъ безсонныхъ! Звѣздный лучь,
Какъ слезно ты дрожишь межъ дальнихъ тучь
Сопутникъ мглы — блестящій стражъ ночной,
Какъ по быломъ тоска сходна съ тобой,

Такъ свѣтитъ намъ блаженство давнихъ лѣтъ,
Горитъ, а все не грѣетъ этотъ свѣтъ;
И гостья думъ воздушная видна,
Но далеко — ясна, но холодна.

11.

ИЗЪ МУРА.

Прощай, Тереза! Печальныя тучи,
Что томнымъ покровомъ луну облекли,
Еще помѣшаютъ улыбкѣ летучей,
Когда твой любовникъ ужъ будетъ вдали.
Какъ эти тучи, я долгою тѣнью
Мрачилъ твое сердце и жилъ безъ заботъ.
Сошлись мы — какъ вѣрила ты наслажденью,
Какъ вѣрила счастью; — о Боже! и вотъ,
Теперь — свободна ты, диво созданья:
Скорѣе тяжелый свой сонъ разгоняй;
Смотри и луны ужъ прошло обаянье
И тучи минуютъ; — Тереза, прощай!

12.

Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ.... тусклы наши свѣчи;
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

Чтожъ молчимъ мы? или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи майской?
Иль поетъ и ярко такъ и страстно
Соловей надъ розою китайской?
Знать цвѣты, которыхъ нѣтъ завѣтнѣй,
Распустились въ нѣгѣ своевольной?
Знать и кактусъ побѣлѣлъ столѣтній,
И бананъ и лотосъ богомольной?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды?
И дрожа ревнивыми лучами
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?
На суку извилистомъ и чудномъ
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы.
Листья по́лны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры;
Много сновъ проносится знакомыхъ
И на сердцѣ много сладкой вѣры.
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ;
Мигъ еще.... и нѣтъ волшебной сказки,
И душа опять полна возможнымъ.
Мы одни; изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ.... тусклы наши свѣчи.

Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи.

13.

Недвижныя очи, безумныя очи,
Зачѣмъ вы средь дня и въ часы полуночи
Такъ жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы въ томъ потонули минувшемъ,
Котораго сердцу такъ жаль?
Не вамъ возродить, чего нѣтъ и что было,
Что сердце, какъ святость, въ себѣ схоронило
На самое темное дно;
Не вамъ допросить у случайности жадной,
Куда она скрыла рукой безпощадной,
Что было такъ щедро дано.

14.

Весеннее небо глядится
Сквозь вѣтви мнѣ въ очи случайно
И тѣнь золотая ложится
На воды блестящаго Майна.
Вдали огонекъ одинокой
Трепещетъ подъ сумракомъ липокъ,
Исполнена тайны жестокой
Душа замирающихъ скрипокъ.
Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое:

Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное.
Ожившая память несётся
Къ прошедшей тоскѣ и веселью;
То сердце замретъ, то проснется
За каждой безумною трелью.
Но быстро волшебной чредою
Промчалась тоскливая тайна
И мѣсяцъ бѣжитъ полосою
Вдоль водъ тихоструйнаго Майна.

15.

Какъ мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
Съ любимой мечтою
Не хочется сердцу разстаться.
Но цвѣтъ вдохновенья
Печаленъ средь буднишнихъ терній;
Былое стремленье
Далеко, какъ выстрѣлъ вечерній.
Но память былаго
Все крадется въ сердце тревожно.
О, еслибъ безъ слова
Сказаться душой было можно!

16.

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звѣзды за горою
Блещутъ средь тумана;
Пѣтухи недавно
Въ третій разъ пропѣли,
Съ колольни плавно
Звуки пролетѣли.
Дышутъ липъ верхушки
Нѣгою отрадной,
А углы подушки
Влагою прохладной.
Скоро вспыхнутъ тучки,
Горы и потоки,
А у блѣдной ручки
Молодыя щеки.

17.

VEILLE SUR CE QUE J'AIME.

Бди надъ тѣмъ, что сердцу мило,
Неизмѣнное свѣтило —
Звѣздочка моя.
Свѣтлыхъ сновъ и благодати
Ей, какъ спящему дитяти,
Умоляю я!

Сводъ небесный необъятенъ....
Чтобъ на немъ ей былъ понятенъ
Ходъ усталыхъ тучь,
Твой восходъ, твое стремленье
И молитвенное бдѣнье,
И дрожащій лучь.

18.

Какъ отрокъ зарею
Лукавые сны вспоминаетъ,
Я звука душою
Ищу, что въ душѣ обитаетъ.
Хоть въ сердцѣ нѣтъ вѣры
Въ живое преданій наслѣдство,
Люблю я химеры,
Гдѣ рдѣетъ румяное дѣтство.
Быть можетъ, что сонный
Со сномъ золотымъ встрепенется,
Иль стихъ благовонный
Изъ устъ разомкнутыхъ польется.

19.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Всѣхъ въ немъ цвѣтовъ благовонія слышны;
Кудри твои такъ обильны и пышны,
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ,
Яснаго ока губительна сила.
Нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ ты не любила: —
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ.

Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!
Счастію сердце легко предается:
Мнѣ близь тебя хорошо и поется.
Свѣжъ и душистъ твой роскошный вѣнокъ!

20.

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ:
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.
Безумнаго счастья томительный трепетъ
Горячимъ приливомъ по сердцу стремится.

Скажу той звѣздѣ, что такъ ярко сіяетъ:
Давно не видались мы въ мірѣ широкомъ,
Что я понимаю, на чтò намекаетъ
Мнѣ съ неба она многозначущимъ окомъ.

Ты смотришь мнѣ въ очи. Ты права: мой трепетъ
Понятенъ, какъ лучь твой, чтó въ воды глядится.
Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ:
Душа откровенно такъ съ жизнью мирится.

ВЕЧЕРА И НОЧИ.

I.

Право, отъ полной души я благодаренъ сосѣду.
Славная вещь — подъ окномъ въ клѣткѣ держать соловья....
Грустно въ неволѣ пѣвцу, но чары сильны у природы!
Только прощальнымъ огнемъ озлатятся кресты на церквахъ,
И въ разцвѣтающій садъ за высокимъ, ревнивымъ заборомъ
Вечера свѣжесть вдыхать выйдетъ сосѣдка одна —
Веспера тайны въ пѣвцѣ пробудятъ желаніе воли
И подъ окномъ соловей громко засвищетъ любовь.
Что за чело у нея! за атласныя плечи и руки!
Что за янтарный отливъ на роскошныхъ извивахъ волосъ!
Станъ — заглядѣнье! притомъ, какая вертлявая ножка!
Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ роптать на высокій заборъ? Въ эту щель
Можетъ быть лучше она мнѣ кажется. Трудъ наслажденья
Цѣну ему самому удвояетъ.... Но вечеръ насталъ....
Что жъ не поетъ соловей, иль чтожъ не выходитъ сосѣдка?...
Можетъ сегодня мы всѣ трое другъ друга поймемъ.

II.

Вдали огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка;
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка.

Никто мнѣ не скажетъ: «куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ?»
Шевелись же, весло, шевелися —
А берегъ во мракѣ пропалъ!
Да что же? За чѣмъ бы не ѣхать?
Дождешься ль вечерней порой
Опять и желанья и лодки,
И весла и огня за рѣкой?...

III.

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я....
Чаще всего мнѣ пріятно скользить по заливу
Такъ, — забываясь
Подъ звучную мѣру весла,
Омоченнаго пѣной шипучей....
Да смотрѣть, многоль отъѣхалъ
И многоль осталось,
Да не видать ли зарницы....
Изо всѣхъ островковъ,
На которыхъ рѣдко мерцаютъ
Огни рыбаковъ запоздалыхъ,
Милъ мнѣ одинъ предпочтительно....
Красноглазый кроликъ
Любитъ его;
Гордый лебедь, каждой весною,
Съ протянутой шеей, летаетъ вокругъ
И садится у брега

На тихія воды.
Надъ обрывомъ утеса
Ростетъ, помавая вѣтвями,
Широколиственный дубъ.
Сколько ужъ лѣтъ тутъ живетъ соловей!
Онъ поетъ по зарямъ,
Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Сребритъ и волны и листья....
Онъ не молкнетъ, поетъ
Все громче и громче.
Странныя мысли
Приходятъ тогда мнѣ на умъ:
Что̀ это — жизнь, или сонъ?....
Счастливъ я или только обманутъ?
Нѣтъ отвѣта....
Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

IV.

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно;
Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ....
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой;
Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантахъ,
Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ.
Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ.
*

V.

Долго еще прогоритъ Веспера скромная лампа;
Но уже свѣтитъ съ небесъ дѣвы измѣнчивый ликъ,
Тонкія змѣйки сребра блещутъ на влагѣ уснувшей,
Звѣздное небо во мглѣ дальняго облака ждетъ.
Вотъ потянулось оно, легкому вѣтру послушно,
Скрыло богиню, и мракъ сладостный землю покрылъ.

VI.

Я жду.... Соловьиное эхо
Несется съ блестящей рѣки,
Трава при лунѣ въ бриліантахъ,
На тминѣ горятъ свѣтляки.
Я жду.... Темносинее небо
И въ мелкихъ и въ крупныхъ звѣздахъ;
Я слышу біеніе сердца
И трепетъ въ рукахъ и въ ногахъ.
Я жду.... Вотъ повѣяло съ юга,
Тепло мнѣ стоять и идти;
Звѣзда покатилась на западъ....
Прости золотая, прости!

VII.

Здравствуй! тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя;
Тихая, теплая,
Серебромъ окаймленная!

Робко, свѣчу потушивъ, подхожу я къ окну....
Меня не видать, за то самъ я все вижу....
Дождусь, непремѣнно дождусь:
Калитка вздрогнетъ растворяясь,
Цвѣты закачавшись сильнѣе запахнутъ, и долго,
Долго при мѣсяцѣ будетъ мелькать покрывало.

VIII.

Другъ мой, безсильны слова, — одни поцалуи всесильны....
Правда, въ запискахъ твоихъ весело мнѣ наблюдать,
Какъ приливъ и отливъ мыслей и чувства мѣшаютъ
Ручкѣ твоей повѣрять то и другое листку;
Правда, и самъ я пишу стихи послушной богинѣ;
Много и риѳмъ у меня, много размѣровъ живыхъ.....
Но межъ ними люблю я риѳмы взаимныхъ лобзаній,
Съ нѣжной цезурою устъ, съ вольнымъ размѣромъ любви.

IX.

Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй....
Даже въ столицѣ не тѣсно!
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяцъ?
О! этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ,

Шпили и кресты — брилліанты;
А тамъ за луной горизонтъ
Чѣмъ дальше — свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часоваго,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Или пѣніе вѣстника утра.
Чтобы проплыть тому облаку мимо!
На что̀ ему мѣсяцъ?...
Знать ужъ такъ должно, знать предназначено было.

X.

Радъ я дождю.... Отъ него тучнѣетъ мягкое поле,
Листъ зеленѣетъ на вѣткѣ и воздухъ становится чище....
Зелени запахъ одну за одной изъ ульёвъ многошумныхъ
Пчелъ вызываетъ.
Но, что̀ для меня еще лучше,
Это — когда онъ ее на дорогѣ ко мнѣ орошаетъ!
Мокрые волосы, гладко къ челу прилегая,
Такъ и сіяютъ у ней; а губки и блѣдныя ручки
Такъ холодны, что нельзя не согрѣть ихъ, подолгу устами.
Но нестерпимъ ты мнѣ ночью безсонною, Плювій Юпитеръ.
Лучше согласенъ я крысъ и мышей въ моей комнатѣ слушать,
Лучше колеса пускай гремятъ непрестанно у оконъ,
Чѣмъ этотъ шумъ и удары глупыхъ, безсмысленныхъ капель;
Точно какъ будто-бы птицъ проклятое стадо

Сотнями ногъ и носовъ терзаютъ желѣзную кровлю.
Юпитеръ Плювій — помилуй! Расти, сколько хочешь, цвѣ-
товъ ты
Для прекрасной и лавровъ юныхъ на кудри поэта,
Только помилуй! не бей по ночамъ мнѣ въ желѣзную кровлю.

XI.

Слышишь ли ты, какъ шумитъ крылами угольное стадо?
Съ крикомъ летятъ черезъ домъ къ теплымъ полямъ журавли,
Жёлтые листья шумятъ, въ березникѣ свищетъ синица.
Ты говоришь, что опять теплой дождался весны....
Развѣ зимой у тебя меньше ланиты цвѣтутъ?...
Въ зеркалѣ часто себя ты видишь съ дѣтской улыбкой,
Свой поправляя вѣнокъ; такъ разрѣши мнѣ сама,
Гдѣ у тебя на лицѣ болѣе жизни и страсти,
Вешнимъ ли утромъ въ саду, въ полномъ сіяньи зари,
Иль у огня моего, когда я боюсь, чтобы искра,
Съ трескомъ прыгнувъ, не сожгла ножки малютки твоей?

XII.

Каждое чувство бываетъ понятнѣй мнѣ ночью и каждый
Образъ пугливо-нѣмой дольше трепещетъ во мглѣ....
Самые звуки доступнѣй, даже когда неподвиженъ
Книгу держу я въ рукахъ, самъ пробѣгая въ умѣ
Все невозможно-возможное, странно-бывалое.... Лампа
Томно у ложа горитъ, мѣсяцъ смѣется въ окно,

А въ отдаленіи колоколъ вдругъ запоётъ — и тихонько
Въ комнату звуки плывутъ; я предаюсь имъ вполнѣ:
Сердце въ нихъ находило всегда какую-то влагу,
Точно какъ будто росой ночи омыты они....
Звукъ все тотъ же поётъ, но съ каждымъ порывомъ иначе:
То въ немъ мѣди тугой болѣе, то серебра.
Странно, что ухо въ ту пору, какъ будто не слушая, слышитъ....
Въ мысляхъ иное совсѣмъ, думы волна за волной,
А между тѣмъ еще глубже сокрытая сила объемлетъ
Лампу и звуки, и ночь—ихъ сочетавши въ одно:
Такъ посвящая все больше и больше пытливую душу,
Ночь научаетъ ее міръ созерцать и себя.

XIII.

Любо мнѣ въ комнатѣ ночью стоять у окошка въ потемкахъ,
Если луна съ высоты прямо глядитъ на меня,
И, проникая стекло, нарисуетъ квадраты лучами
По полу, — комнату всю дымомъ прозрачнымъ поя;
А за окошкомъ въ саду между листьевъ сирени и липы,
Черныя группы дѣля, зыбкимъ находитъ лучемъ
Всѣ промежутки — и внизъ ея золоченыя стрѣлы
Яркимъ стремятся дождемъ, иль одинокій листокъ
Лунному свѣту мѣшаетъ разсыпаться по́-земи; самъ же,
Свѣтомъ осыпанный весь, черёнъ дрожитъ на тѣни.
Я восклицаю: блаженъ трижды, блаженъ, о Діана!
Кто всемогущей судьбой въ тайны твои посвященъ.

XIV.

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ ивы,
Западъ неба блѣдно-красенъ
И рѣки блестятъ извивы.
Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью.
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.
Да оставь окно въ покоѣ,
Подожди еще немножко —
Я не знаю, что такое,
Полетѣлъ бы изъ окошка.

XV.

Что за вечеръ, а ручей
    Такъ и рвется;
Какъ зарей-то соловей
    Раздается.
Мѣсяцъ свѣтомъ съ высоты
    Обдалъ нивы,
А въ оврагѣ блескъ воды,
    Тѣнь, да ивы.
Знать давно въ плотинѣ течь:
    Доски гнилы;
А нельзя здѣсь не прилечь
    На перилы.

Такъ-то все весной живетъ!
Въ рощѣ, въ полѣ
Все трепещетъ и поетъ
По неволѣ.
Мы замолкнемъ, что въ кустахъ
Хоры эти —
Прійдутъ съ пѣснью на устахъ
Наши дѣти;
А не дѣти, такъ пройдутъ
Съ пѣснью внуки:
Къ нимъ съ весною низойдутъ
Тѣже звуки.

ТАЛИСМАНЪ.

I.

Октавами и повѣсть, признаюсь!
И, полноте, ну что я за писатель?
У насъ бѣда! и, право, я боюсь,
Такъ ни за что̀ услышишь: подражатель!
А по размѣру, я на васъ сошлюсь,
И вы не рѣдко судите, читатель.
Но что̀ же дѣлать? видно такъ и быть:
Бояться волка, въ лѣсъ нельзя ходить.

II.

Вы знаете, деревню я люблю
И зимній бытъ; плохой я горожанинъ.
А этой жизни душной не терплю,
И повѣстью напомню образъ Taнинъ,
Сугробами деревню завалю,
Какъ нѣкогда январскій Москвитянинъ....
Но, виноватъ! я знаю, вамъ милѣй
Тверской бульваръ невѣдомыхъ полей.

III.

Вась не займетъ отлогій косогоръ
И ветхій храмъ, съ безмолвной колокольней,
И синій лѣсъ по скату бѣлыхъ горъ;
Не станете вы внутренно довольнѣй
Разсматривать старинный барскій дворъ,
И въ тѣхъ мѣстахъ молиться богомольнѣй.
Но вѣрно есть въ нихъ скрытая печаль:
Иначе чтожъ — зачѣмъ же мнѣ ихъ жаль?

IV.

Тамъ у меня ни близкихъ, ни родни,
Но знать душѣ напомнили тѣ горы
Мѣста иныя, гдѣ, въ былые дни,
Звучали въ за́мкахъ рыцарскія шпоры,
Блистали въ окнахъ яркіе огни
И дамскіе роскошные уборы,
И гдѣ теперь — давно ли былъ я тамъ?
Ни залъ, ни шпоръ, ни благородныхъ дамъ.

V.

Да, все пройдеть своею чередой!
Давно ли онъ, романтиковъ образчикъ —
Про степь и глушь бесѣдовалъ со мной?
Онъ былъ и славный малой и разсказчикъ;
Но вотъ вся жизнь его покрыта мглой,
Онъ самъ давно улегся въ долгій ящикъ.
Но помню я въ его разсказахъ ночь;
Я вамъ разсказъ тотъ передамъ точь въ точь.

VI.

«Шестнадцать лѣтъ, я помню, было мнѣ,
Близь той деревни жилъ и я когда-то.
Не думайте, что я герой вполнѣ,
Что жизнь моя страданьями богата.
Пришла пора, и вздумалось роднѣ
Почти ребенка превратить въ солдата.
Казалось, въ даль стремился я душой,
Но я любилъ, то былъ обманъ пустой.

VII.

«Кто юныхъ лѣтъ волненія не зналъ?
И первой страсти пылкой, но послушной,
Во дни надеждъ о счастьи не мечталъ
Съ веселіемъ улыбки простодушной?
И кто къ ногамъ судьбы не повергалъ
Кровавыхъ жертвъ любви великодушной?
И все пройдетъ: нельзя же вѣкъ любить;
Но есть и то, чего нельзя забыть.

VIII.

«Пора, пора изъ теплаго гнѣзда
На зовъ судьбы далекій подниматься!
Смеркался день, вечерняя звѣзда
Въ дали зажглась; я началъ одѣваться;
До ихъ села не дальняя ѣзда;
Передъ отъѣздомъ должно распрощаться.
Готова тройка, порскій снѣгъ взвился
И колокольчикъ жалко залился.

IX.

«Пошёлъ, пошёлъ! всего верстъ двадцатъ пять;
Да льдомъ поѣдемъ: тамъ ѣзда ровнѣе.
Смотри, чтобъ намъ въ село не опоздать,
Хотя домой пріѣдемъ и позднѣе.
Ты коренной-то не давай скакать.
Я нашей тройки не видалъ дружнѣе
(И вамъ, я чай, случалось ѣздить льдомъ);
Да вотъ и церковь, вотъ господскій домъ!

X.

«Не стану я описыватъ фасадъ
Стариннаго ихъ дома. Изъ гостиной
Въ стекло балкона видѣнъ голый садъ
Съ бесѣдкою и сонною куртиной.
Признаться вамъ, ребяческій мой взглядъ
Тогда иною занятъ былъ картиной.
И маменькѣ, хозяйкѣ дома, чуть
Я не забылъ промолвить что нибудь.

XI.

«За то она разсыпала слова....
(За хлѣбъ и соль ее хвалили міромъ).
Радушная сосѣдка и вдова,
Какъ водится, была за бригадиромъ;
Ея сынокъ любимый — голова,
Жилъ въ отпуску усатымъ кирасиромъ.
Гдѣ онъ теперь, не знаю, право, я;
Но что за дочки! — Чудная семья!

XII.

«Ихъ было двѣ — намъ должно ихъ назвать.
Пожалуй, мы хоть старшую Варварой,
Меньшую Александрой станемъ звать.
Онѣ прекрасны были. Чудной парой,
Для всѣхъ замѣтно, любовалась мать;
Хоть иногда своей красою старой
Блистать хотѣла, что грѣха таить!
Но женщинѣ какъ это не простить?

XIII.

Мы младшую оставимъ, что намъ въ ней?
Она блондинка стройная, положимъ;
Но этотъ взглядъ и смыслъ ея рѣчей
Все говоритъ, что и лицемъ пригожимъ
И таліей горда она своей;
Что весело ей нравиться прихожимъ.
За то Варвара — томная луна,
Какъ ты была прекрасна и скромна!

XIV.

«Ее не разъ и прежде я видалъ,
Когда случался близко у сосѣдства
Когда нибудь необычайный балъ,
По случаю крестинъ или наслѣдства;
Но въ этотъ мигъ въ душѣ припоминалъ
Я образъ, мнѣ знакомый съ малолѣтства.
И не ошибся: въ городѣ одномъ
Мы съ ними жили, рядомъ былъ ихъ домъ.

XV.

«Чтожъ можно лучше выдумать? — и мать
Припомнила ту счастливую пору,
И прочее. Я долженъ былъ внимать
Хозяйки доброй искреннему вздору.
Сынокъ меня придумалъ занимать:
Велѣлъ привесть любимую мнѣ свору,
И я хвалилъ за стать его борзыхъ,
А мнѣ, признаться, было не до нихъ.

XVI.

«Я и забылъ: день святочный былъ то.
Зажгли огни; мы съ Варинькой сидѣли;
Большое блюдо было налито;
Дворовыя надъ блюдомъ пѣсни пѣли,
И сердце ими было занято,
Съ гаданьями предчувствія кипѣли.
Я посмотрѣлъ на милое лицо....
И за меня она дала кольцо.

XVII.

«Съ какимъ отраднымъ страхомъ я внималъ
Тѣхъ вѣщихъ пѣсенъ роковому звуку!
Но вотъ мое кольцо — я услыхалъ
Въ моемъ припѣвѣ близкую разлуку:
Какъ будто я давно о томъ не зналъ!
Но Варинька мнѣ тихо сжала руку,
И капли слезъ едва сдержать я могъ;
Но улетѣлъ неосторожный вздохъ.

XVIII.

«Другой сосѣдъ пріѣхалъ — онъ женихъ.
Но столъ готовъ въ диванной съ самоваромъ,
И Варинька исчезла.... Въ этотъ мигъ
Сосѣдъ женихъ мнѣ былъ небеснымъ даромъ:
Имъ занялись.... Я ускользнулъ отъ нихъ.
«Вы не въ столовой?» — Обдало какъ варомъ
Меня отъ этихъ словъ.... но этотъ взоръ!
О! я вполнѣ ей вѣрилъ съ этихъ поръ!

XIX.

«Мы говорили Богъ знаетъ о чемъ:
Скучаютъ ли онѣ въ своемъ имѣньи?
О сельскомъ лѣтѣ, о веснѣ; потомъ
О Шиллерѣ, о музыкѣ и пѣньи.
«Я вамъ спою.... Скажите, вамъ знакомъ
Романсъ такой-то?« — Въ сладкомъ упоеньи
Едва, едва касался я земли....
Но чай простылъ, и самоваръ снесли.

XX.

«Въ столовую я вышелъ.... Боже мой,
Какое счастье! — Заняты гаданьемъ,
И я прошелъ нарочно предъ толпой,
И тихо скрылся. Чуднымъ обаяньемъ
Меня влекло за двери. — За стѣной
Дрожали струны сладостнымъ бряцаньемъ....

Нѣтъ, я не въ силахъ.... больше не могу —
На тайный зовъ я къ милой побѣгу.

XXI.

«Серебряная ночь глядѣлась въ домъ....
Она безъ свѣчь сидѣла за роялью.
Луна была такъ хороша лицомъ,
И осыпала полъ граненой сталью;
А звуки пѣсни разлились кругомъ
Какою-то мучительной печалью:
Все вмѣстѣ было чувства торжество,
Но то была не жизнь, а волшебство.

XXII.

«И самъ не свой, я, наклоняясь, чуть
Не покрывалъ кудрей ея лобзаньемъ,
И жаждою моя горѣла грудь;
Хотѣлось мнѣ порывистымъ дыханьемъ
Всю душу звуковъ сладостныхъ вдохнуть,
И выдохнуть съ послѣднимъ издыханьемъ!
Дрожали звуки на ея устахъ,
Дрожали слезы на ея глазахъ.

XXIII.

«Вы знаете», сказала мнѣ она,
«Что я владѣю чуднымъ талисманомъ?
Хотите ли, я буду вамъ видна
Всегда, вездѣ, съ луною, за туманомъ?»

Несбыточнымъ была душа полна,
Я счастливъ былъ ребяческимъ обманомъ.
Чтобъ ни было — я вѣрилъ всей душой —
И для меня слилась она съ луной.

XXIV.

«Я былъ въ дали, ее я позабылъ:
Иныя страсти овладѣли мною;
Я даже снова искренно любилъ,
Но каждый разъ, когда ночной порою,
Засвѣтится воздушный хоръ свѣтилъ —
Я увлеченъ волшебницей луною.
. . . .
. . . .

БАЛЛАДЫ.

—

ЗМѢЙ.

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешетъ косу, моетъ шею
Черноровая вдова,
И не сводитъ у окошка
Съ неба темнаго очей,
И летитъ, свиваясь въ кольца,
Въ яркихъ искрахъ длинный змѣй.
И шумитъ все ближе, ближе,
И надъ вдовьинымъ дворомъ,
Надъ соломенною крышей
Разсыпается огнемъ.
И окно тотчасъ затворитъ
Черноровая вдова;
Только слышатся въ свѣтлицѣ
Поцалуи да слова.

СИЛЬФЫ.

Ночную фіалку лобзаетъ Зефиръ,
И сладостно цвѣтъ задышалъ,
Я слышу бряцаніе маленькихъ лиръ;
Луну я въ росинкѣ узналъ.

И свѣтлая капля дрожитъ теплотой
И мещетъ сіянье вокругъ,
И Сильфы собрались веселой толпой
Съ улыбкой взглянуть на подругъ.

И крошка Сильфида взяла свѣтляка
На пальчикъ. Онъ вьётся какъ змѣй.
Какъ ярко лицо и малютка рука
Сіяньемъ покрылись у ней.

Но, чу! кто-то робко ударилъ въ тимпанъ!
Лучей вамъ нельзя превозмочь!
И весь упоенный раскрылся тюльпанъ
Въ послѣднюю сладкую ночь.

Но вотъ ужъ на встрѣчу грядущему дню
Готовы цвѣтовъ олтари,
И Сильфы съ улыбкой встрѣчаютъ родню
И свѣтлаго друга зари.

ВАМПИРЪ.

Почти ребенкомъ я была,
Всѣ любовались мной;
Мнѣ шли и кудри по плечамъ
И фартучекъ цвѣтной;
Любила мать смотрѣть, какъ я
Молилась по утру,

Любила слушать, если я
Пѣвала ввечеру.
Чужой однажды посѣтилъ
Нашъ тихій уголокъ:
Онъ былъ такъ нѣженъ и умёнъ,
Такъ строенъ и высокъ.
Онъ часто въ очи мнѣ глядѣлъ
И тихо руку жалъ,
И тайно глазъ мой голубой
И кудри цаловалъ.
И помню, стало мнѣ вокругъ
При немъ всё такъ свѣтло,
И стало мутно въ головѣ,
И на сердцѣ тепло.
Летѣли дни.... промчался годъ....
Насталъ послѣдній часъ —
Ему шепнула что-то мать,
И онъ оставилъ насъ.
И долго, долго, мнѣ пришлось
И плакать и грустить;
Но я боялася о немъ
Кого нибудь спросить.
Однажды, вижу: милый гость,
Припавъ къ устамъ моимъ,
Мнѣ говоритъ: «Не бойся, другъ,
Я для другихъ незримъ.»
И съ этихъ поръ — онъ снова мой,
Въ объятіяхъ моихъ,
И страстно, крѣпко онъ меня
Цалуетъ при другихъ.

Всѣ говорять, что яркій цвѣтъ
Ланитъ моихъ больной....
Имъ не узнать, какъ жарко ихъ
Цалуетъ милый мой.

МЯТЕЛЬ.

Ночью буря разозлилась,
Крыша снѣгомъ опушилась
И собаки по щелямъ.
Лиинетъ глазъ отъ рѣзкой пыли,
И огни ужъ потушили
Вдоль села по всѣмъ дворамъ.
Лишь въ избушкѣ, за дорогой,
Одинокой и убогой
Огонекъ въ окнѣ горитъ.
Въ той избушкѣ только двое.
Кто ихъ знаетъ, что такое
Братъ съ сестрою говоритъ:
«Помнишь то, что, умирая,
Говорили намъ родная
И родимый — отвѣчай?
Вотъ теперь, что день, то гонка,
И крикливаго ребенка,
Повѣкъ дѣвкою, качай.
И когда же вражья сила
Васъ свела? Вѣдь нужно жъ было

Завертѣться мнѣ въ извозъ!...
Иль отвѣтить не умѣешь?
Что молчишь и что блѣднѣешь?
Право, дѣвка, не до слезъ.»
«Братецъ милый, ради Бога,
Не гляди въ глаза мнѣ строго:
Я въ ночи тебя боюсь.»
«Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдусь — не безпокойся,
Съ нимъ посвойски разочтусь.»
Вѣтеръ пуще разъигрался;
Кто-то въ избу постучался.
«Кто тамъ?» братъ въ окно спросилъ.
«Я прохожій — и отъ снѣга
До утра ищу ночлега,»
Чей-то голосъ говорилъ.
«Что жъ ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти;
Нѣтъ меня — такъ нѣтъ и лѣни.
Побѣги проворнѣй въ сѣни,
Да прохожаго впусти.»
Чрезъ порогъ ступилъ прохожій.
Помолясь на образъ Божій,
Поклонился брату онъ;
А сестрѣ какъ поклонился,
Да взглянулъ, остановился,
Точно громомъ пораженъ.
Всѣ молчатъ; сестра блѣднѣетъ,
Никуда взглянуть не смѣетъ;

Изъ подлобья братъ глядитъ;
Все молчитъ; лучина съ трескомъ
Лишь горитъ багровымъ блескомъ,
Да по кровлѣ вѣтръ шумитъ.

ДОЗОРЪ.

Czaty

Изъ бесѣдки садовой воевода багровой
Въ замокъ вбѣгъ — еле духъ переводитъ;
Дернулъ занавѣсъ — что́ же? Глядь на женнино ложе —
Задрожалъ — никого не находитъ.

Онъ поникъ головою и дрожащей рукою
Сивый усъ покрутилъ онъ угрюмо;
Взоромъ ложе окинулъ, рукава въ тылъ закинулъ,
И позвалъ казака онъ Наума.

«Гей, ты хамово племя! отъ чего въ это время
У воротъ нѣтъ ни пса, нѣтъ ни дворни?
Видишь сумку барсучью, да винтовку гайдучью,
Да подай карабинъ мой проворнѣй.»

Взяли ружья, помчались, до ограды подкрались,
Гдѣ бесѣдка стоитъ садовая.
На скамейкѣ изъ дерна что-то бѣло и черно:
То сидѣла жена молодая.

Бѣлой ручки перстами, скрывши очи кудрями,
Грудь сорочкой она прикрывала,
А другою рукою отъ колѣнъ предъ собою
Плечи юноши прочь отклоняла.

Тотъ, къ ногамъ преклоненный, говоритъ ей смущенный:
«Такъ конецъ и любви и надеждѣ!
Такъ за эти объятья, за твои рукожатья
Заплатилъ воевода ужъ прежде!

Сколько лѣтъ я вздыхаю, той же страстью сгораю
И удѣлъ мой страдать безконечно
Не любилъ, не страдалъ онъ, лишь казной побряцалъ онъ
И ты все ему предала вѣчно.

Онъ, что ночь — властелиномъ, на пуху лебединомъ
Старый лобъ къ этимъ персямъ склоняетъ,
И съ ланитъ воспаленныхъ и съ кудрей благовонныхъ
Мнѣ запретную сладость впиваетъ.

Я жъ, коня осѣдлавши, да луну обождавши,
Тороплюся по хладу ненастья,
Чтобъ встрѣчаться стенаньемъ и прощаться желаньемъ
Доброй ночи и долгаго счастья.»

Не плѣнивши ей слуха, онъ ужъ шепчетъ на ухо
Знать иныя мольбы и заклятья,
Что она, безъ движенья и полна упоенья,
Пала къ милому тихо въ объятья.

Съ казакомъ воевода взводятъ разомъ два взвода
И патроны изъ сумки достали,
И скусили зубами и въ стволы шомполами
Порохъ съ пулями плотно дослали.

«Панъ,» казакъ замѣчаетъ: «бѣсъ какой-то мѣшаетъ:
Не бывать въ этомъ выстрѣлѣ толку.
Я, курокъ нажимавши, сыпалъ мимо дрожавши
И слеза покатилась на полку.«

«Тише! выдумалъ вякать. Научу тебя плакать,
Только слово промолвить осмѣлься.
Всыпь на полку, да живо сдерни ногтемъ огниво
И той женщинѣ въ лобъ ты прицѣлься.

Выше, въ право, до разу, моего жди приказу,
Молодца-то сперва на свободѣ.«
Но казакъ не дождался, громко выстрѣлъ раздался
И прямёхонько въ лобъ — воеводѣ.

ГЕРА и ЛЕАНДРЪ.

Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ на всемъ просторѣ
Только море — только въ морѣ
Волнъ кочующихъ родникъ.

Тихо. — Море голубое
Взору жадному въ покоѣ
Каждый лучь передаетъ.
Чтожъ тамъ въ морѣ — чья побѣда?
Иль въ зыбяхъ, вторая Леда,
Лебедь-богъ къ тебѣ плыветъ?
Не безсмертный, не безсонный,
Нѣтъ, то юноша влюблённый
Проложилъ отважный путь,
И полна огнемъ желаній
Волны взмахомъ крѣпкой длани
Молодая рѣжетъ грудь.
Меркнетъ день; изъ крайней тучи
Вдоль пучины вѣтръ летучій
Направляетъ шаткій бѣгъ,
И подъ молніей багровой
Страшный валъ бѣло-головый
Съ рёвомъ прыгаетъ на брегъ.
Гдѣ жъ онъ, Гера? съ бездной споря,
Удушающаго моря
Онъ свиданьемъ дорожитъ!
Хоть безстрастенъ, хотъ безгласенъ,
Но по прежнему прекрасенъ,
Онъ у ногъ твоихъ лежитъ.
Блѣденъ ликъ твой, блѣденъ, дѣва!
Средь упругихъ волнъ напѣва
Я люблю твой блѣдный ликъ.
Подъ окномъ на всемъ просторѣ
Только море — только въ морѣ
Волнъ кочующій родникъ.

ВОРОТЪ.

Спать пора, свѣча сгорѣла;
Да и ты, моя краса,
Голова отяжелѣла:
Кудри лезутъ на глаза.
Стань вотъ тутъ передъ иконы,
Я постельку стану стлать.
Не спѣши же класть поклоны,
Богородицу читать.
Видишь, глазки-то бѣдняжки
Такъ и просятся уснуть.
Только воротъ у рубашки
Надо прежде разстегнуть.
«Отъ чего же, няня, надо?»
Надо, другъ мой, чтобъ тобой,
Не сводя святаго взгляда,
Любовался Ангелъ твой.
Твой хранитель, Ангелъ Божій,
Прилетаетъ по ночамъ,
Какъ и ты, дитя пригожій,
Только крылья по плечамъ.
Коль твою онъ видитъ душку,
Воротъ вскрытъ и тихъ твой сонъ:
Тихо съ права на подушку
Улыбаясь сядетъ онъ;
А закрыта душка, спрячетъ
Душку воротъ, мутны сны:
Ангелъ взглянетъ и заплачетъ,
Сядетъ съ лѣвой стороны.

Надъ тобой Господня сила!
Дай, я воротъ распущу.
Ужъ подушку я крестила
И тебя перекрещу.

На дворѣ не слышно выоги,
Надъ землей туманный паръ;
Ужъ давно вода остыла,
Смолкъ шумливый самоваръ.
Няня старая не видитъ
И не слышитъ — всё прядетъ;
Мычку лѣвою пощиплетъ,
Правой нитку отведетъ;
А ребенокъ все играетъ.
Какъ хорошъ онъ при огнѣ!
И кудрявая головка
Отразилась на стѣнѣ.
Вотъ задумалася няня,
Со свѣчи нагаръ сняла,
И прекраснаго малютку
Ближе къ свѣчкѣ подвела.
«Дай-ка ручки!» Няня хочетъ
Посмотрѣть на ихъ черты.
«Что? на пальчикахъ дорожки
«Не кружками ль завиты?»
Няня смотритъ.... Вотъ вздохнула....
«Ничего, дитя мое!»
Вотъ заплакала — и плачетъ
Мальчикъ, глядя на неё.

ЛЕГЕНДА.

Вдоль по берегу полями
Ђдетъ сынъ княжой;
Сорокъ отроковъ верхами
Слѣдуютъ толпой.
Страненъ ликъ его суровой,
Все кругомъ молчитъ,
И подкова лишь съ подковой
Часто говоритъ.
«Разгуляйся въ полѣ,» — сыну
Говорилъ старикъ.
Знать сыновнюю кручину
Старый взоръ проникъ.
Съ золотыми стременами
Княжій аргамакъ;
Шемаханскими шелками
Вышитъ весь чепракъ;
Но печаленъ въ полѣ чистомъ,
Князь себѣ не радъ,
И не кличетъ громкимъ свистомъ
Кречетовъ назадъ.
Онъ давно душою жаркой,
Въ перегарѣ силъ,
Всю неволю жизни яркой
Втайнѣ отлюбилъ.
Полюбить успѣвъ вериги
Молодой тоски,
Переписываетъ книги,
Пишетъ кондаки.

И не разъ въ минуты битвы
Съ жизнью молодой,
Въ увлеченіи молитвы
Находилъ покой.
Ѣдетъ онъ въ раздумьи шагомъ
На лихомъ конѣ;
Вдругъ пещеру за оврагомъ
Видитъ въ сторонѣ:
Тамъ душевной жаждѣ пищу
Старецъ находилъ,
И къ пустынному жилищу
Князь поворотилъ.
Годы страсти, годы спора
Пронеслися вдругъ,
И пустыннаго простора
Онъ почуялъ духъ.
Слѣзъ съ коня, оборотился
Къ отрокамъ спиной,
Снялъ кафтанъ, перекрестился
И махнулъ рукой.

СОНЕТЫ.

I.

О, для тебя я сдѣлаюсь поэтомъ!
Готовъ писать и прозой и стихами,
Распоряжаться мыслью и словами,
И риѳмы въ рядъ нанизывать сонетомъ.

Да что же мнѣ? — какая польза въ этомъ?
Я не рѣшусь быть низкимъ передъ вами;
Я не рѣшуся черными словами
Васъ выставить, запачкать передъ свѣтомъ.

Но если вы, понявъ мои намёки,
Со страху разъ помолитесь невольно,
И надолго запомните уроки,
Въ которыхъ то-то и смѣшно, что больно:
Повѣрьте мнѣ, и этого довольно,
И одою смѣню я эти строки.

II.

Смотрѣть на васъ и странно мнѣ и больно:
Жаль вашихъ взоровъ, ножекъ, ручекъ, плечекъ:
Скажите: кто вотъ этотъ человѣчекъ,
Что подлѣ васъ стоитъ самодовольно?

Во мнѣ вся кровь застынетъ вдругъ невольно,
Когда, при блескѣ двухъ вѣнчальныхъ свѣчекъ,
Онъ вамъ подастъ одно изъ двухъ колечекъ;
Тогда въ слезахъ молитесь богомольно.

Но я на васъ глядѣть тогда не стану,
А то, быть можетъ, сердце содрогнется.
Къ чему тревожить старую въ немъ рану?
А то изъ ней, быть можетъ, ядъ польется.
Мнѣ только легкой поступи и стану,
Да скрытности дивиться остается.

III.

Разсказывалъ я много глупыхъ сновъ,
На мой разсказъ такъ грустно улыбались;
Многозначительно при звукѣ странныхъ словъ
Ея глаза въ глаза мои вперялись.

И время шло — я сердцемъ былъ готовъ
Повѣрить счастью. Скоро мы разстались
И я постигъ у дальнихъ береговъ,
Въ чемъ наши чувства нѣкогда встрѣчались.

Такъ слышитъ узникъ, блѣдный, присмирѣвъ,
Родной рѣки излучистый припѣвъ,
Пропѣтый вовсе чуждыми устами.
Онъ звука не проронитъ, хоть не ждетъ
Спасенія; но глубоко вздохнетъ,
Блеснувъ во мглѣ ожившими очами.

IV.

Владычица Сіона, предъ тобою
Во мглѣ моя лампада зажжена.
Все спитъ кругомъ — душа моя полна
Молитвою и сладкой тишиною.

Ты мнѣ близка.... Покорною душою
Молюсь за ту, кѣмъ жизнь моя ясна.
Дай ей цвѣсти, будь счастлива она —
Съ другимъ ли избраннымъ, одна, или со мною.

О нѣтъ! прости наитіе недуга!
Ты знаешь насъ: намъ суждено другъ друга
Взаимными молитвами спасать.
Такъ дай же силъ, простри святыя руки,
Чтобъ ярче могъ, въ полночный часъ разлуки,
Я предъ тобой лампаду возжигать.

V.

МАДОННА.

Я не ропщу на трудный путь земной,
Я буйнаго не слушаю невѣжды;
Моимъ ушамъ понятенъ звукъ иной,
Моей душѣ пріятенъ гласъ надежды.

Съ тѣхъ поръ, какъ Санціо передо мной
Изобразилъ склоняющую вѣжды,
И этотъ ликъ, и этотъ взоръ святой,
Смиренныя и легкія одежды,

*

И это лоно матери, и въ немъ
Младенца съ яснымъ, радостнымъ челомъ,
Съ улыбкою къ Маріи наклонённой —
О! какъ душа стихаетъ вся до дна!
Какъ много ты съ святаго полотна
Мнѣ шлешь, мой Богъ, съ пречистою Мадонной!

VI.

МОСКВА

(изъ Кёрнера).

Какъ высоки церквей златыя главы,
Какъ царственно дворцы твои сіяютъ!
Со всѣхъ сторонъ глаза мои встрѣчаютъ
И гордый блескъ, и памятники славы.

Но часъ твой билъ, о городъ величавый!
Твои граждане руку подымаютъ,
Трещитъ огонь и факелы пылаютъ,
И ты стоишь въ горячей ризѣ лавы!

О, пусть тебя поноситъ изступленье!
Ломитесь башни, рухайтесь палаты!
То русскій фениксъ, пламенемъ объятый,
Горитъ вѣкамъ.... Но близко искупленье;
Уже подъ кликъ и общіе восторги
Копье побѣдъ поднялъ святый Георгій!

СОЛОВЕЙ И РОЗА.

Небесъ и земли повелитель,
Творецъ плодотворнаго міра
Далъ счастье, далъ радость всей твари
Цвѣтущихъ долинъ Кашемира.

И равны всѣ звенья предъ Вѣчнымъ
Въ цѣпи непрерывной творенья,
И жизненнымъ трепетомъ общимъ
Исполнены чудныя звенья.

Такая дрожащая бездна
Въ дыханьи полудня и ночи,
Что Ангелы въ страхѣ закрыли
Крылами звѣздистыя очи.

Но тамъ же въ саду мірозданья,
Гдѣ радость и счастье-привычка,
Забыты, отвергнуты счастьемъ
Кустарникъ и сѣрая птичка.

Листовъ окаймленныхъ пилами,
Побѣговъ вращающихъ спицы
Минуютъ летучіе гости,
Чуждаются пѣвчія птицы.

Безгласная сѣрая птичка
Одна не пугается терній,
И любятъ другъ друга — но счастья
Ни въ утренній часъ, ни въ вечерній.

И по небу вѣки проходятъ,
Какъ волны безбрежнаго моря;
Никто не узнаетъ ихъ страсти,
Никто не увидитъ ихъ горя.

Однажды сіяющій Ангелъ,
Купаяся въ безднахъ эфира,
Узрѣлъ и кустарникъ и птичку
Въ долинѣ ночной Кашемира.

И нѣжному Ангелу стало
Ихъ видѣть такъ грустно и больно,
Что съ неба слезу огневую
На нихъ уронилъ онъ невольно.

И къ утру свершилося чудо:
Краснѣя и млѣя сквозь слёзы,
Склонилася къ вѣткѣ упругой
Головка душистыя розы.

И къ ночи съ безгласною птичкой
Еще перемѣна чудеснѣй:
И листья и звѣзды трепещутъ
Ея упоительной пѣсней.

Онъ.

Рая вѣчнаго изгнанникъ,
Вешній гость я, пѣвчій странникъ;
Чужды ваши мнѣ цвѣты;
Страшны искры мнѣ мороза.
Другъ мой роза, дѣва роза,
Я бъ не пѣлъ, когда бъ не ты.

Она.

Полночь мать моя родная,
Незамѣтно разцвѣла я
На зарѣ весны;
Для тебя жъ у бѣдной розы
Ароматъ, краса и слёзы,
Заревые сны.

Онъ.

Ты такъ нѣжна, какъ утреннія розы
Едва раскрывъ малиновый шипокъ;
Ты такъ свѣтла, что по неволѣ слезы
Туманятъ мнѣ внимательный зрачекъ;
Ты такъ чиста, что помыслы земные
Невольно мрутъ въ груди передъ тобой;
Ты такъ свята, что Ангелы святые
Зовутъ тебя ихъ смертною сестрой.

Она.

Мой другъ, мой братъ, мой милый, мой любовникъ!
На милую внимательнѣй взгляни:
За розу ты не принялъ ли шиповникъ,
Смиренное подобіе родни?
И если есть во мнѣ благоуханье,
Оно лишь тѣмъ коснется до тебя,
Что скромное, безвѣстное созданье,
Стремясь къ тебѣ, такъ предало себя.

Онъ.

Ты роза долины, я ночи пѣвецъ,
И чувство въ насъ братское тоже;
Намъ мѣсяцъ кристальный готовитъ вѣнецъ,
А солнце пурпурное ложе.
Росою на пѣсни, на пѣсни росой
Дала отвѣчать намъ природа,
И наши всѣ звуки, всѣ блестки, какъ рой
Горятъ у небеснаго свода.
Тамъ Ангелъ лазурный, востока жилецъ,
Ихъ огненной мѣтитъ рукою.
Ты роза долины, я ночи пѣвецъ:
Мы вѣчные братья съ тобою.

Она.

Ты поешь, когда дремлю я,
Я цвѣту — когда ты спишь;
Я горю безъ поцалуя,
Безъ отвѣта ты грустишь.

Но и радость и мученье
Мудро намъ судьба дала:
Ты не пѣлъ бы безъ стремленья,
Я бъ безъ страсти не цвѣла.

Онъ.

На востокѣ небо чисто,
Какъ сапфиръ твоихъ очей;
Въ рощахъ пальмовыхъ тѣнисто,
Лунный лучь дрожитъ теплѣй.
На востокѣ есть у Бога
Заповѣдныя мѣста:
Сердцу снится та дорога —
Полетимъ съ тобой туда.
Ни фазановъ позлащенныхъ,
Ни павлиновъ не сомнемъ;
Ни плодовъ мы запрещенныхъ
Тихомолкомъ не сорвемъ.
Мы, какъ лотосъ, богомольно
Заглядимся въ ручеекъ....
Сердцу станетъ сладко, больно —
Полетимъ же на востокъ.

Она.

Мой милый, гдѣ сердце — тамъ грезы,
Гдѣ вѣра — тамъ царство весны;
Гдѣ очи — тамъ жаркія слезы,
Гдѣ думы — тамъ чудные сны....

Во снѣ мое спящее око
Небесный измѣрило кругъ,
Отъ запада вплоть до востока,
Узрѣло и сѣверъ и югъ....
Ни дна; только, въ безднѣ раждаясь,
Горятъ и сверкаютъ ключи,
И, силою вѣчной вращаясь,
Дрожатъ золотые лучи;
И вся эта сила стремилась
Къ одной отдаленной звѣздѣ;
А я все молилась, молилась,
Чтобъ ты былъ мнѣ вѣренъ вездѣ.

Онъ.

Дѣва роза, доброй ночи!
Звѣзды въ небесахъ.
Двѣ звѣзды горятъ, какъ очи
Въ голубыхъ лучахъ;
Двѣ звѣзды горятъ привѣтно
Нынче, какъ вчера;
Сонъ подкрался незамѣтно....
Роза, спать пора!

Она.

Зацалую тебя, закачаю,
Но боюсь надъ тобой задремать:
На зарѣ лишь уснешь ты, я знаю,
Что всю ночь будешь пѣть ты опять.

Закрывается милое око,
Голова у меня на груди.
Вѣтеръ, вѣтеръ, мой вѣтеръ востока,
Не тревожь его сна, не буди.
Я сама не дышу, не ласкаю,
Только вѣжды закрылъ ему сонъ,
И кудрями его не играю:
Все боюсь, не проснулся бы онъ.
Вѣтеръ, вѣтеръ лукавый, поди ты,
Я умѣю сама цаловать;
Я устами коснуся ланиты
И мой милый проснется опять.
Просыпайся жъ; заря потухаетъ:
Для пѣвца золотая пора.
Дѣва роза тихонько вздыхаетъ,
Отпуская тебя до утра.

Онъ.

Ахъ, опять къ ночному бдѣнью
Вышелъ звѣздный хоръ....
Эхо ждетъ завторить пѣнью....
Спалъ до этихъ поръ!
Вѣетъ вѣтеръ надъ дубровой,
Листикъ шелеститъ.
У меня въ тѣни лавровой
Дѣва роза спитъ.
Хорошо ль ей, сладко ль спится,
Я предъузнаю,

И звѣздамъ, что ей приснится,
Громко пропою.

Она.

Я дремлю, но слышитъ
Роза соловья;
Вѣтерокъ колышетъ
Сонную меня.
Звуки остаются
Всѣ въ моихъ листкахъ;
Слышу — а проснуться
Не могу никакъ.
Заревыя слезы,
Наклоняясь, лью.
Пой у сонной розы
Про любовь мою.

—

И во снѣ только любитъ и любитъ,
И отъ счастія плачетъ и спитъ!
Эти пѣсни она приголубитъ,
Если эхо о нихъ промолчитъ.
Эти пѣсни землѣ разсказали
Всё, что розѣ приснилось во снѣ,
И глубоко, глубоко запали
Ей въ румяное сердце онѣ.
И въ ночи подъ землею коренья
Влагу ночи сосутъ да сосутъ,

А у розы росой умиленья
Бриліантами слезы текутъ.
Отъ чегожъ подъ навѣсомъ прохлады
Раздается такъ голосъ пѣвца?
Роза! пѣсни не знаютъ преграды:
Безъ конца твои сны, безъ конца.

ЭЛЕГІИ.

1.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайной,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять, и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, ни кѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

2.

Когда мои мечты за гранью прошлыхъ дней
Найдутъ тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, какъ первый Іудей
На рубежѣ земли обѣтованной.
Не жаль мнѣ дѣтскихъ игръ, не жаль мнѣ тихихъ сновъ,
Тобой такъ сладостно и больно возмущенныхъ
Въ тѣ дни, какъ постигалъ я первую любовь
По бунту чувствъ неугомонныхъ,
По сжатію руки, по отблеску очей,
Сопровождаемыхъ то вздохами, то смѣхомъ,

По восторгающей гармоніи рѣчей
Съ серебрянымъ и вѣчнымъ эхомъ....

3.

Когда мечтательно я преданъ тишинѣ
И вижу на небѣ корону ясной ночи,
Когда у . . . . заблещутъ въ вышинѣ
И сномъ у Аргуса начнутъ смыкаться очи,
И близокъ часъ уже условленный тобой,
И ожиданіе съ минутой возрастаетъ,
И я стою уже безумный и нѣмой,
И каждый звукъ ночный смущеннаго пугаетъ;
И нетерпѣніе сосётъ больную грудь,
И ты идешь одна украдкой, озираясь,
И я спѣшу въ лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное — и тихо, улыбаясь,
Ты на слова любви мнѣ говоришь — люблю!
А я безсвязныя связать стараюсь рѣчи,
Дыханьемъ пламеннымъ дыханіе ловлю,
Цалую волоса душистыя и плечи,
И долго слушаю, какъ ты молчишь, и мнѣ
Ты руку подаешь сказавши: до свиданья!
О, другъ! какъ счастливъ я, какъ счастливъ я вполнѣ!
Какъ жить мнѣ хочется до новаго свиданья!

4.

Помедли.... люди спятъ; медлительной царицей
Луна двурогая обходитъ небеса;

Все медлитъ разойтись съ серебряной зарницей
И вѣтръ, и облака, и горы, и лѣса.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ и убѣжитъ въ объятія валовъ.
Тамъ вѣчный шумъ, тамъ нѣтъ неяснаго сознанья
Какой-то святости звѣздолюбивыхъ думъ
И тихой радости, нѣмаго созерцанья.
Я не пойду туда: тамъ моря вѣчный шумъ.

8.

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душой, цѣлымъ моимъ существомъ.
Радость и свѣтлая грусть благотворный покой и желанья
Дѣтскія, рѣзвыя, самъ даже понять не могу.
Вотъ хоть теперь посмотрю за окно на веселую зелень
Вешнихъ деревьевъ, да вдругъ вѣтеръ ко мнѣ донесётъ
Утренній запахъ цвѣтовъ, птичекъ звонкія пѣсни;
Такъ бы и бросился въ садъ, съ кликомъ: пойдемъ же, пойдемъ!
Да какъ взгляну на тебя, какъ усѣлась ты тамъ безмятежно
Подлѣ окошка, склоня иглы рѣсницъ на канву,
То ужъ не въ силахъ ни чѣмъ я шевельнуться, а только
Всю озираю тебя, всю — отъ пробора волосъ,
До перекладины пялецъ, гдѣ вольно, легко и уютно,
Складки раздвинувъ, прильнулъ маленькой ножки носокъ.
Жалко.... да нѣтъ—хорошо, что никто не видалъ, какъ взглянула
Ты на сестрицу, когда та приходила сюда

Куклу свою показать. Право, мнѣ кажется, всѣхъ бы
Васъ мнѣ хотѣлось обнять. Даже и братъ твой, шалунъ,
Что изучаетъ грамматику въ комнатѣ ближней, мнѣ дорогъ.
Можно ль такъ ложно его вещи учить понимать!
Какъ отворялися двери, разслушать я могъ, что учитель
Каждый отдѣльный глаголъ пряталъ въ отдѣльный залогъ:
Онъ говорилъ, что любить есть дѣйствіе — не состоянье.
Нѣтъ, достохвальный мудрецъ, здѣсь ты не видишь ни зги,
Я говорю, что любить — состоянье, еще и какое!
Чудное, полное нѣгъ!... Дай Богъ намъ вѣчно любить!

6.

Виноватъ ли я, что долго мѣсяцъ
Простоялъ вчера надъ рощей темной,
Что подъ нимъ рѣка дрожала долго
Тамъ, гдѣ крылья пучилъ бѣлый лебедь.
Вѣдь не я зажегъ огни рыбачьи
Надъ водой, у самыхъ лодокъ черныхъ.
Виноватъ ли я, что до разсвѣта
Перепелокъ голосъ раздавался?
Но ты спишь.... О, подними рѣсницы!
Знаешь ли, я помню, помню живо —
Ты сама вѣдь любишь ночи: ночью
Это было — я спѣшилъ въ Ріальто.
Быстро весла ударяли въ воду,
Гондольеръ мой пѣлъ; но эта пѣсня
Пронеслась, какъ многое проходитъ
Невозвратно; помню только это:

«Обожали пламенные Греки
Красоты богиню Афродиту
Въ пѣнѣ волнъ на раковинѣ ясной.
Какъ же глупы, просты эти Греки:
Передъ ними ты была въ гондолѣ.»
Знаешь ли, я самъ, когда ты дремлешь,
Опустя недвижныя рѣсницы
И твоихъ волосъ густыя кудри
Недвижимы, руки выше локтя,
Обнажась, на складкахъ полотняныхъ
Такъ лежатъ, какъ будто съ мыслью тайной
Раскидалъ ихъ . . . . Фидій.
И гляжу я долго и не знаю,
На твоемъ блестящемъ свѣтомъ ликѣ
Рождена лѣ улыбка красотою;
Иль краса улыбку породила,
Знаешь ли?... Но, опустя рѣсницы,
Ты уснула.... Спи, моя богиня!

7.

Я знаю, гордая, ты любишь самовластье;
Тебя, въ ревнивомъ снѣ, томитъ чужое счастье;
Свободы смѣлый ликъ и томный взоръ любви
Манятъ наперерывъ желанія твои.
Чрезъ всю толпу рабовъ у пышной колесницы
Я взглядъ лукавый твой подъ бархатомъ рѣсницы
Давно прочелъ, давно, и знаю съ той поры,
Гдѣ жертву новую ты ищешь для игры.

Несчастный юноша, давно ль, веселья полный,
Скользилъ его челнокъ расталкивая волны!
Смотри, какъ счастливъ онъ, какъ воленъ.... онъ ничей;
Лобзаетъ вѣтръ одинъ руно его кудрей.
Рука, окрѣпнувши въ трудѣ однообразномъ,
Минула ужъ бреговъ ухающимъ соблазномъ.
Но горе! ты поешь; на зыбкое стекло,
Изъ ослабѣвшихъ рукъ упущено весло;
Онъ скованъ — ты поешь, ты блещешь красотою
И пѣнишь темный понтъ зубчатой чешуею.

8.

Ея не знаетъ свѣтъ — она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И такъ подвиженъ склонъ ея округлыхъ плечь,
Что дней недальнихъ грезъ у ней не устеречь.
Дохнетъ тепло любви, младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко
И гребень, ласково разборчивъ, будто самъ
Пойдетъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные блѣднѣя подлиннѣютъ.
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златыя гроздія, и зналъ, что виноградъ
Сбирая, онъ вопьетъ ихъ сладкій ароматъ.

9.

Эхъ, шутка — молодость! какъ новый, ранній снѣгъ,
Всегда и чистъ и свѣжъ. Царица тайныхъ нѣгъ,

Луна зеркальная, надъ древнею Москвою
Одну выводитъ ночь блестящѣй за другою.
Что, всѣ ли улеглись, уснули? Не пора ль?...
На сердцѣ жаръ любви и трепетъ и печаль!...
Бѣгу!... Далекія, какъ бы въ вознагражденье,
Шлютъ звѣзды въ инеѣ свое изображенье.
Въ сіяньи полночи безмолвенъ сонъ Кремля;
Подъ быстрою стопой промерзлая земля
Звучитъ и по крутой, хотя недавней стужѣ,
Доходитъ бой часовъ прерывистѣй и туже.
Бѣгу!... Тамъ нѣжная и трепетная та
Несетъ на поцалуй дрожащія уста,
Чье имя, близь меня помянуто безъ цѣли,
Не дастъ мнѣ до зари забыться на постели;
Чей шорохъ медленный ужъ издали меня
Кидаетъ въ полымя мгновенно изъ огня,
И чей глубокій взоръ, блистающій вниманьемъ,
Исполнилъ жизнь мою безумствомъ и страданьемъ.

10.

Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже
Свѣтъ отнимаютъ. Смотри, вотъ половина окна
Верхняя темною зеленью листьевъ покрыта; межъ ними,
Будто нарочно, въ окнѣ кисть начинаетъ желтѣть.
Милая! полно, не трогай!... Къ чему этотъ духъ разрушенья!
Ты доставать виноградъ высунешь руку на дворъ—
Бѣлую, полную ручку, легко распознаютъ сосѣди,
Скажутъ: она у него въ комнатѣ тайно была.

11.

Тебѣ въ молчаніи я простираю руку,
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.
Ты въ тайнѣ поняла души смѣшную муку,
Усталыхъ прихотей ты разгадала скуку. —
Мы вмѣстѣ — и судьбѣ я молча предаюсь.
Безъ клятвъ и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за насъ послѣдній приговоръ.
Мы оба молоды, но съ радостью старинной
Люблю на локонъ твой засматриваться длинной;
Люблю безмолвныхъ устъ и взоровъ разговоръ,
Какъ въ дни безумные, какъ въ пламенные годы
Мнѣ жизни міровой святыня дорога;
Люблю безмолвіе полунощной природы;
Люблю ея лѣсовъ лепечущіе своды;
Люблю ея степей алмазные снѣга,
И снова мнѣ легко, когда, святому звуку
Внимая не одинъ, я заживо дѣлюсь;
Когда, за честный бой съ тѣнями, взявъ поруку,
Тебѣ въ молчаніи я простираю руку
И дѣтскихъ укоризнъ въ грядущемъ не страшусь.

САКОНТАЛА.

1.

Саконтала — изъ всѣхъ царицъ, украшавшихъ индійскій
Тронъ, народу любезная, милая сердцу супруга
Мудраго государя Викрамы, встрѣчала однажды
Праздничный день своего рожденья общимъ весельемъ.
Радость кругомъ разлилась по чертогамъ и хижинамъ царства;
Только живѣй и нѣжнѣе ея раздавалися звуки
Въ сердцѣ каждаго. Ликъ царицы былъ тихъ и прекрасенъ;
Око ея сіяло любезно и кротко, какъ солнце
Въ часъ вечерній, когда, садясь за дальнія горы,
Росу шлётъ и прохладу оно, долины и выси
Влагою съ высоты окропляя отрадной. Таковъ былъ
Ликъ Саконталы. Затѣмъ-то, съ дѣтскимъ смиреніемъ въ сердцѣ,
Жители Индіи взоръ къ своей несравненной царицѣ,
Полный любви, обращали и ей приносили посильно
Разнаго рода дары, растенья лучшія царства:
Благоуханный елей, злато и камни цвѣтные;
Благословенія ей другіе молили у Брамы.
Вотъ въ средину ликующихъ, тѣсной толпою стоящихъ
Около царскихъ воротъ, Браминъ выходитъ; корзинку
Несъ онъ въ рукахъ, изъ лозъ плетенную; край у корзинки
Мохомъ простымъ былъ покрытъ. Придворные слуги, увидя
Старца, стоя въ переходахъ, другъ друга спрашивать стали:
«Знать Браминъ поприблизиться хочетъ сіянью престола
Съ лозниковой корзинкою, полною мохомъ кудрявымъ.»
Но Браминъ подошелъ свободно, поставилъ корзинку

Саконталѣ къ ногамъ и сказалъ: «Видишь ли, наша
Добрая мать и владычица нашего царства, вотъ эти
Лозы корзинки и этотъ мохъ и цвѣты полевые
Дѣти долины на самой далекой границѣ обширной
Нашей земли, гдѣ стопы твои блуждали въ то время,
Какъ еще первая жизни весна предъ тобой улыбалась?»
Такъ Браминъ говорилъ и у ногъ Саконталы стояла
Съ мохомъ корзинка. Тогда царица взоръ обратила
На корзинку, на мохъ и цвѣты, что лежали въ корзинкѣ,
И съ престола она улыбнулась привѣтливо, нѣжно
Скромнымъ цвѣтамъ долины давно миновавшаго дѣтства.
Тихо Браминъ возвращался къ своей одинокой долинѣ
И казалася роскошь полей для него превосходнѣй:
Онъ не могъ позабыть улыбки лица Саконталы.

2.

Саконтала, прекрасная, милая сердцу царица
Индіи, день своего рожденья встрѣчала молитвой
Тихою къ Брамѣ; война ужасная все государство
Опустошила, и царь индійскій, супругъ Саконталы,
Былъ въ дали отъ нея средь ужасовъ битвы кровавой;
Но еще болѣе то умножало горесть царицы,
Что большая часть преданныхъ въ битвѣ погибли и много
Было такихъ, что забыли царскую милость, съ какою
Почестями онъ ихъ осыпалъ, и вдругъ показали
Неблагодарность и трусость сердецъ измѣной въ годину
Бѣдствія. Вотъ почему Саконтала въ тиши проливала
Слезы и день рожденія былъ ей дню смерти подобенъ.

Въ это время вошла одна изъ женщинъ служащихъ
Тихо къ печальной царицѣ и ей сказала: «Опять здѣсь
Тотъ Браминъ, что къ тебѣ приходилъ съ цвѣтами долины.»
Но Саконтала вздохнула, и ей отвѣчала: «Какъ могутъ
Быть отрадны цвѣты моему сокрушенному сердцу
Или служить украшеньемъ моей поблѣднѣвшей ланитѣ?
Все же, сказала потомъ царица добрая, старца
Ты введи, чтобы я изъ его приношенья сознала,
Какъ вѣрна мнѣ въ печали любовь незлобивыхъ сердцемъ.»
Старый Браминъ вошелъ и сказалъ, главу наклоняя:
«Видишь ли, добрая мать и владычица нашего царства:
Горе твое и печаль тебя сердецъ не лишило
Жителей той долины, гдѣ ты блуждала въ то время,
Какъ еще первая жизни весна предъ тобой улыбалась.
Шаткаго счастья измѣна, любви и вѣрности узы
Не разрѣшаетъ; напротивъ, она ихъ прочнѣе связуетъ.
Только цвѣтовъ я тебѣ не принесъ: въ нашей долинѣ
Стоптаны всѣ; но они разцвѣтутъ еще лучше, коль Брама
Послѣ бурь ниспошлетъ весны благодатной дыханье.
Я принесъ тебѣ даръ драгоцѣннѣйшій нашей долины —
Камень, которому въ Индіи равнаго нѣтъ красотою.»
Молча, полна удивленья, царица взглянула на старца;
Онъ же, рѣчь продолжая, сказалъ: «Тебѣ приносилъ я
Въ даръ цвѣты, когда на юномъ челѣ твоемъ радость
Разцвѣтала, ни чемъ не смущенная, но испытанье
Брама наслалъ на тебя; я вижу, что горе ланиты
Блѣдностію твои овѣяло; зналъ я, что будешь
День своего рожденья ты провожать со слезами.
Для прекрасныхъ душъ слезы небесная влага,
Отъ которой онѣ вполнѣ разцвѣтаютъ. Такъ Брама

Освѣщаетъ своихъ любимцевъ. Вотъ почему я
Нынѣ къ тебѣ подхожу съ благороднѣйшимъ даромъ природы.»
Такъ Браминъ говорилъ и, полный почтенья, поставилъ
Чернаго дерева ящикъ къ ногамъ Сакопталы. Чудесно
Свѣтлый камень игралъ, отвсюду охваченный чернымъ.
Тутъ склонила царица чело и взглянула на ящикъ
И на камень, своими лучами его наполнявшій,
И съ ланитъ у нея покатились прозрачныя слезы.
Тихо Браминъ возвращался къ своей одинокой долинѣ,
Медленно шелъ онъ и грустью отрадною полонъ былъ старецъ;
Все, казалось ему, онъ видитъ слезу Саконталы.

5.

Грустенъ скитался Браминъ въ своей одинокой пустынѣ,
Помнилъ царицы-страдалицы тяжкое онъ испытанье;
Вдругъ опять поднялась война ужасная. Мощный
Истребитель, съ своей толпой необузданныхъ полчищъ,
Всталъ на западѣ съ тѣмъ, чтобъ земли восточныхъ предѣловъ
Опустошить. И того, о чемъ, наругаясь, задумалъ
Онъ достигнуть, успѣлъ; но все населенье стонало.
Старецъ Браму день и ночь умолялъ за Викраму
Правосуднаго и за Саконталу царицу,
Сердцу любезную. Но тщетны были моленья,
И военная буря неслася грознымъ потокомъ
Къ самой долинѣ Брамина, и бичь притѣснителя всюду
Жертвъ настигалъ. Тогда печальный Браминъ удалился
Въ дикія горы, и жилъ между скалъ, чуждаяся встрѣтить
Ликъ человѣческій. Тяжкою скорбью исполнено было

Сердце старца, и смерти желанной алкалъ онъ душею;
Но желанье его не исполнилось. — Много онъ прожилъ
Лѣтъ въ своемъ одиночествѣ между скалами пустыни;
Вдругъ кругомъ раздались вдали веселые звуки
Пѣсенъ побѣды и мира подъ рокотъ трубы и кимвала.
Тутъ главою къ землѣ склонился старецъ въ молитвѣ
Всталъ, помазалъ главу и сказалъ: «Передъ смертью я долженъ
Правыхъ побѣду и ликъ царицы кроткой увидѣть.»
Тутъ наполнилъ Браминъ опять корзину цвѣтами
Самыми лучшими въ цѣлой долинѣ, и сверху прикрылъ ихъ
Пальмы и маслины тучной младыми побѣгами; тутъ
Вѣтвь положилъ благовонную нѣжно лепечущей мирты.
Скоро потомъ онъ къ престольному граду лицомъ обратился
И въ молчаньи пошелъ чрезъ толпы торжествующихъ граждань.
Радостью ликъ засіялъ у старца, когда въ воротахъ онъ
Былъ дворцовыхъ. Отверзши уста, слугамъ онъ придворнымъ
Сталъ говорить: «Ведите меня въ царицѣ, чтобъ могъ я
Жертву свою ей принесть. Семь лѣтъ какъ не видѣлъ я міра.»
Слыша рѣчи такія, слуги взглянули на старца,
Смолкли и стали плакать. Браминъ же спросилъ ихъ: «Чего вы
Плачете и отъ чего измѣнилися такъ ваши лица?»
Слуги на это ему отвѣчали: «Иль ты не житель
Здѣшняго міра, когда одинъ ты не знаешь, что сталось?»
И на могилу царицы они повели его. «Видишь —
Такъ говорили они — въ ней сердце не вынесло горя.»
Больше они ничего сказать не могли и рыдали.
Тутъ у старца ликъ просіялъ и затеплилось око
Будто у юноши, къ небу онъ поднялъ чело и воскликнулъ:

«Развѣ не вижу я Брамы жилища, не вижу сіянья
Вѣчнаго моря лучей, его окружающихъ блескомъ!
И Сакontала предъ нимъ на облакѣ ранняго утра
Смотритъ на насъ. Примиренной отчизны чистѣйшая жертва
Жрицею нынѣ она сіяетъ небеснаго міра.
Видишь ли ты, просвѣтлѣнная, я, какъ и прежде бывало,
Здѣсь предъ тобою стою съ моими зелеными цвѣтами?»
Тутъ умолкнулъ старецъ, склонясь на цвѣты и могилу.
Тихимъ повѣяло вѣтромъ и Брама пріялъ его душу.

ПОДРАЖАНІЕ ВОСТОЧНОМУ.

I.

Я люблю его жарко: онъ тигромъ въ бою
Нападаетъ на хищныхъ враговъ;
Я люблю въ немъ отраду, награду мою
И потомка великихъ отцевъ.

Кто бы ни былъ ты, странникъ, простой иль купецъ,
Ни овцы, ни верблюда не тронь —
Отъ кобылъ Мугаммеда его жеребецъ,
Что небесный огонь этотъ конь.

Только мирный пришлецъ нагибайся въ шатеръ
И одежду дорожную скинь;
На услугу и ласку онъ ловокъ и скоръ;
Онъ бадья при колодцѣ пустынь.

Будто мѣсяцъ надъ кедромъ бѣлѣетъ чалма
У него средь далекихъ степей.
Я люблю и никто — ни Фатима сама —
Не любила пророка сильнѣй.

2.

ИЗЪ СААДИ.

Обремененный славой міра,
Сравняйся съ смоквою полей!
Она тѣмъ ниже гнется долу,
Чѣмъ смоквъ обильнѣе на ней.

3.

ЯЗЫКЪ ЦВѢТОВЪ.

Мой пучекъ блеститъ росой
Какъ алмазами Калифъ мой,
Я давно хочу съ тобой
Говорить пахучей риѳмой.
Каждый цвѣтъ уже намекъ —
Ты поймешь мои признанья;
Можетъ быть, что весь пучекъ
Намъ откроетъ путь свиданья.

4.

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, какъ я стройна
Между старшими сестрами.

Оглянись: сошла вода,
Зимній дождь не хлещетъ болѣ;
На горахъ опять стада
И оратай вышелъ въ поле.

Розой горъ меня зови;
Ты красой моей ужаленъ,
И цвѣту я для любви,
Для твоихъ опочиваленъ.

Цѣлый міръ пахну̀лъ весной,
Тайный жаръ владѣетъ дѣвой;
Я прильну къ твоей десной,
Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи
Незамѣтными путями;
Отопрись — и опочій
У меня между грудями.

I.

КЪ ОФЕЛІИ.

Какъ идетъ къ вамъ чепчикъ новой,
Какъ идетъ большая шаль!
Поздравляю васъ съ обновой,
А мнѣ все таки васъ жаль.
Какъ идетъ къ вамъ эта блѣдность,
Эта скрытая печаль,
Эта внутренняя бѣдность,
Мнѣ васъ жаль, да мнѣ васъ жаль.

II.

Не здѣсь ли ты легкою тѣнью,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ,
Бесѣдуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокругъ?
И робкимъ даришь вдохновеньемъ,
И сладкій врачуешь недугъ,
И тихимъ даришь сновидѣнемъ,
Мой геній, мой ангелъ, мой другъ.
То вдругъ опечалишь ужасно,
То сердце обрадуешь вдругъ,
А все улыбаешься ясно,
Какъ геній, какъ ангелъ, какъ другъ.

III.

Сосна такъ темна, хоть и мѣсяцъ
Глядитъ между длинныхъ вѣтвей:

То клонитъ ко сну, то очнешься;
То мельница, то соловей,
То вѣтра нѣмое лобзанье,
То запахъ фіалки ночной,
То блескъ замороженной дали
И вихря полночнаго вой.
И сладко дремать мнѣ и грустно,
Что сномъ я надежду гублю.
Мой ангелъ, мой ангелъ далекій,
Зачѣмъ я такъ сильно люблю?

IV.

Какъ майскій голубоокій
Зефиръ — ты, мой другъ, хороша;
Моя жъ, что Элова арфа,
Чутка и послушна душа!
И струнъ у той арфы немного,
Но вѣчно подъ чувствомъ живымъ
Найдетъ она новые звуки
За новымъ дыханьемъ твоимъ.

V.

Я боленъ, Офелія, милый мой другъ!
Ни въ сердцѣ, ни въ окѣ нѣтъ силы.
О, спой мнѣ, какъ носится вѣтеръ вокругъ
Его одинокой могилы.
Душѣ раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

VI.

Офелія гибла и пѣла,
И пѣла сплетая вѣнки;
Съ цвѣтами, вѣнками и пѣснью
На дно опустилась рѣки.
И многое съ пѣснями канетъ
Мнѣ въ душу на темное дно,
И много мнѣ чувства и пѣсенъ,
И слезъ и мечтаній дано.

VII.

Какъ Ангелъ неба безмятежный,
Въ сіяньи тихаго огня,
Ты помолись душою нѣжной
И за себя и за меня.
Ты отъ меня любви словами
Сомнѣнья духа отжени
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осѣни.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Греція.

Тамъ, подъ оливами, близь шумнаго каскада,
Гдѣ сочная трава унизана росой,
Гдѣ радостно кричитъ веселая цикада,
И роза южная гордится красотой;
Гдѣ храмъ оставленный подъялъ свой куполъ бѣлый,
И по колоннамъ вверхъ кудрявый плющъ бѣжитъ —
Мнѣ грустно: міръ боговъ, теперь осиротѣлый,
Рука невѣжества забвеніемъ клеймитъ.
Вотще.... Въ полночь, какъ соловей восточный
Свисталъ, а я бродилъ незримый за стѣной,
Я видѣлъ: Граціи сбирались въ часъ урочный
Въ былой пріютъ заросшею тропой.
Но въ пляскахъ вѣтреныхъ богини не блистали
Молочной пѣной формъ, при золотой лунѣ,
Нѣтъ; — ставши въ тѣсный кругъ красавицы шептали:
«Эллада» — слышалось мнѣ часто въ тишинѣ.

2.

Когда пѣтухъ,
Ударивъ три раза
Крыломъ золотистымъ,
Протяжною пѣснью
Встрѣчаетъ зарю,
И ты, человѣкъ,

Впиваешь последнюю
Сладкую влагу
Сна на зарѣ;
Тогда поэтъ....
Нѣтъ! спи утомленный
Заботами дня
Земной страдалецъ!
Ты не поймешь,
Зачѣмъ я бодрствую
Въ таинственномъ храмѣ
Прохладной ночи.

Чу! слышу вздохъ
Ко мнѣ несется
Съ мягкаго ложа,
Гдѣ при серебряной
Лунѣ бѣлѣютъ
Младыя ланиты,
Покрытыя первымъ
Шелковымъ пухомъ,
И гдѣ въ безпорядкѣ
Разсыпаны кудри.
А! слышу, слышу,
Ты также не спишь,
Несчастный влюбленный!

Послушай, что нынѣ
Я слышалъ ночью
Отъ чадъ Сатурна:
Они мнѣ велѣли,

Въ земныхъ страданьяхъ,
Искать изцѣленья
У Вакха. Наполнимъ
Стаканы, — и оба
Заснемъ поутру,
Когда другіе
Пойдутъ трудиться.

3.

ВАКХАНКА.

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой томительной полна,
Чтобъ духъ перевести замедлилась она.
Закинувъ голову съ улыбкой опьянѣнья,
Прохладнаго она искала дуновенья,
Какъ будто бы власы ужъ начинали жечь
Горячимъ золотомъ ей розы пышныхъ плечь,
Одежда жаркая все ниже опускалась
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желанія полны.

4.

ДІАНА.

Богини дѣвственной округлыя черты,
Во всемъ величіи блестящей наготы,
Я видѣлъ межъ деревъ надъ ясными водами,
Съ продолговатыми, безцвѣтными очами,
Высоко поднялось открытое чело —
Его недвижностью вниманье облегло
И дѣвъ моленію въ тяжелыхъ мукахъ чрева·
Внимала чуткая и каменная дѣва.
Зефиръ вечеровой между листовъ проникъ,
Качнулся на водѣ богини ясный ликъ;
Я ждалъ — она пойдетъ съ колчаномъ и стрѣлами,
Молочной бѣлизной мелькая межъ древами,
Взирать на сонный Римъ, на вѣчный славы градъ,
На желтоводный Тибръ, на группы колоннадъ,
На стогны длинные! Но мраморъ недвижимой
Бѣлѣлъ передо мной красой непостижимой.

5.

Влажное ложе покинувши, Фебъ златокудрый направилъ
Быстрыхъ коней, Фаетонову гибель, за розовый Эосъ;
Круто напрягши бразды, онъ кругомъ озирался и тотчасъ
Бойкіе взоры его устремились на берегъ пустынный.
Тамъ воскурялся туманъ благовонною жертвою; море
Тихо у желтыхъ песковъ почивало; разбитая лодка

Дномъ опрокинута вверхъ, половиной въ водѣ, половиной
Въ утреннемъ воздухѣ темной смолою чернѣла и тутъ же,
Въ лѣво, раскинуты были обломки еловые веселъ,
Кожаный щитъ и шеломъ опрокинутый полные тины.
Дальше, когда поразсѣялись сѣрыя волны тумана,
Онъ увидалъ на травѣ, подъ зеленымъ навѣсомъ каштана,
(Трижды его обѣжавши, лоза окружала кистями);
Юношу онъ на травѣ увидалъ: бѣлоснѣжные члены
Были раскинуты, правой рукою какъ будто тѣснилъ онъ
Грудь, и на ней-то прекрасное тѣло недвижно лежало,
Лѣвая навзничь упала и бѣлыя формы на темной
Зелени травъ благовонныхъ во всей полнотѣ рисовались;
Весь былъ разодранъ хитонъ, округленныя бедра бслѣли
Будто бы мраморъ пріявшій изгибы отъ рукъ Праксителя,
Ноги казали свои покровенныя прахомъ подошвы,
Свѣтлыя кудри чела упадали на грудь, осѣняя
Мертвую силу лица и глубоко смертельную язву.

6.

КУСОКЪ МРАМОРА.

Тщетно блуждаетъ мой взоръ измѣряя твой начатый мраморъ;
Тщетно пытливая мысль хочетъ загадку рѣшить:
Что одѣваетъ кора грубо изрубленной массы?
Ясное ль Тита чело, Фавна ль измѣнчивый ликъ,
Змѣй примирителя, жезлъ, крылья и станъ быстроногій,
Или стыдливости дѣвъ съ тонкимъ перстомъ на устахъ?

7.

Съ корзиной, полною цвѣтовъ на головѣ,
Изъ сумрака аллей она на свѣтъ ступила
И побѣжала тѣнь за ней по муравѣ
И полъ-лица ей тѣнь корзины освѣнила;
Но и подъ тѣнію увидишь ты какъ разъ,
Примѣты южнаго созданья безъ ошибки,
По свѣтлому зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки.

8.

ПОДРАЖАНІЕ XVI ИДИЛІИ БІОНА.

Прекрасная звѣзда Венеры свѣтлоокой,
Пока свое чело за рощею далекой
Діана нѣжная скрываетъ, освѣти
Кустарникъ тотъ и холмъ для моего пути.
Я оставляю кровъ не для нощныхъ хищеній,
На спутниковъ въ душѣ не крою покушеній....
Нѣтъ, я люблю и жду возмездія заботъ
Отъ нимфы молодой, красы между красотъ
Какъ въ миріадѣ звѣздъ Діаной предводимой
Краса ночныхъ небесъ горитъ твой лучь любимой.

9.

НЕПТУНУ.

Птицей,
Быстро парящей птицей Зевеса,
Быть мнѣ судьбою дано всеобъемлющей.
Нынѣ, крылья раскинувъ надъ бездной
Тверди, нынѣ надъ высью я
Горной, тамъ, гдѣ у ногъ моихъ
Воды,
Вѣчно несущія бѣлую пѣну,
Стонутъ и старый трезубецъ Нептуна
Въ темныхъ рукахъ повелителя строгаго блещетъ,
Нѣтъ предѣловъ
Къ верху, и нѣтъ предѣловъ
Къ низу —
Здравствуй!
На половинномъ пути
Къ вѣчности, здравствуй Нептунъ: надъ собою
Слышишь ли шумныя крылья и вѣтеръ,
Спертый нагрудными сизыми перьями, здравствуй!
Нѣтъ мгновенья покою;
Вслѣдъ за тобою летящая
Феба стрѣла, я вижу, стоитъ
Съ визгомъ перья поджавши въ эфирѣ,
Ты промчался, пронесся, мелькнулъ и сокрылся,
А я!
Здравствуй Нептунъ!
Слышишь ли, братъ, надъ собою

Шумный полетъ? — Я принесъ
Съ жаркой, далекой земли,
Кровью упитанной,
Трупами тучной,
Лавромъ шумящей,
Мой привѣтъ тебѣ: здравствуй Нептунъ!
Вѣчно, вѣчно,
Какъ бы ни мчался ты, братъ мой,
Крылья мои зашумятъ и орлиный
Голосъ къ тебѣ зазвучитъ по Эфиру:
Здравствуй Нептунъ!

10.

ВОДОПАДЪ.

Тамъ, какъ сраженный
Титанъ, простерся
Между скалами,
Обросшій мохомъ,
Сѣдой гранитъ
И заперъ пропасть;
Но съ дикой страстью
Стремится въ бездну
Черезъ препоны
Потокъ гремучій,
И мечетъ жемчугъ
Шипучей пѣны
На черный брегъ.

Смотри, какъ быстро
Несется вѣтка
Къ кипучей безднѣ,
Какъ струйка сильно
Ее кидаетъ
Съ прозрачной мели
На острый камень.
Мелькнула! — Полно!
Изъ черной бездны
Возврата нѣтъ.
Слѣжу глазами
За быстрымъ токомъ.
Какъ присмирѣлъ онъ
Тамъ въ отдаленьи;
Какъ будто небо,
Въ немъ хочетъ видѣть
Свою красу.
Смотри: — та вѣтка,
Что тамъ исчезла
Въ пучинѣ лютой,
Плыветъ такъ тихо,
Такъ безмятежно
По вѣчной влагѣ.

11.

АРХИЛОХЪ.

Здѣсь Архилохъ опочилъ; его въ безпощадные ямбы
Ринула Муза — пѣвцу Іоніи сладостный другъ.

12.

ИЗЪ КАТУЛЛА.

Давай любить и жить, о Лезбія, со мной!
За толки стариковъ угрюмыхъ, мы съ тобой,
За всѣ ихъ не дадимъ одной монеты мѣдной.
Пускай свѣтаетъ день и меркнетъ тѣнью блѣдной;
Для насъ, когда заря зайдетъ за небосклонъ,
Настанетъ ночь одна и безконечный сонъ —
Сто разъ цалуй тогда и тысячу и снова
До новой тысячи и вновь до ста другова,
Опять да новыхъ сотъ, до тысячи опять.
Когда же много намъ придется насчитать,
Смѣшаемъ счетъ тогда, чтобъ мы его не знали,
Чтобъ злые намъ съ тобой завидовать не стали,
Узнавъ, какъ много разъ тебя я цѣловалъ.

13.

КЪ ЮНОШѢ.

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина,
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лѣтъ, его живые взоры,
Ланиты нѣжныя, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнѣвъ —
Все обѣщаетъ въ немъ любимца зоркихъ дѣвъ.

14.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Фіалъ кипитъ янтарной Иппокреной,
Душа горитъ и силится во мнѣ
Залить въ груди огонь жемчужной пѣной.
Но что забыть? что вспомнить при винѣ?

Красавица съ коварною душою!
Ты божествомъ забытій пышный храмъ!
И вы, друзья, съ притворною слезою!
И вы, враги, съ презрѣнной клеветою!
Забвенье вамъ!

И вы мечты, которыми прельщался,
И ты судьба, противница мечтамъ,

Довольно я страдалъ и заблуждался,
Надѣяся, слезами обливался....
Забвенье вамъ!

Ты дѣвы грудь, вы кудри золотыя,
Ты Грацiи художественный ростъ,
Вы ямочки и щечки огневыя,
Ты тѣнь рѣсницъ, вы глазки голубые....
Вамъ первый тостъ!

И вы друзья святаго вдохновенья,
Съ мечтательной и нѣжною душой,
Вы полные къ прекрасному стремленья,
Съ тоской души, съ улыбкой умиленья....
Вамъ тостъ второй!

И вы, друзья, съ зелеными вѣнками
И съ хохотомъ въ досужный Вакха часъ,
Похмѣлья Генiй носится надъ вами! —
Поднимемъ кубки дружными руками....
Я пью за васъ!

Фiялъ кипитъ янтарной Иппокреной,
И что души тревожило покой,
Все умерло въ груди воспламененной,
Все милое воскресло предо мной!

15.

Питомецъ радости, покорный наслажденью,
Зачѣмъ, коварный другъ, не внемля приглашенью,
Нашъ пиръ вечеровой вчера не посѣтилъ?
Хозяинъ ласковый къ обѣду пригласилъ
Въ бесѣдку, гдѣ кругомъ, не заслоняя сада,
Полувоздушная обстала колоннада.
Діана полная, глядя между вѣтвей,
Благословляла столъ улыбкою своей
И яства жирныя съ ихъ паромъ благовоннымъ,
Отрадно лакомымъ — гулякамъ утонченнымъ.
И отчихъ кладовыхъ старинное добро,
Широкодонныхъ чашъ литое серебро;
А вѣтеръ заревой, по фитилямъ порхая,
Качалъ слегка огни, намъ лица освѣжая.
За чѣмъ ты не сидѣлъ межъ нами у стола?
Тутъ въ розовомъ вѣнкѣ и Лидія была,
И Пирра смуглая, и Цинтія живая,
И ученица музъ Неэра молодая,
Какъ Сафо страстная, пугливая какъ лань....
О другъ! я чувствую, я заплачу ей дань
Любви Проперція тоскливой, безъотрадной;
Я наливалъ вчера рукою безпощадной;
Но вспоминалъ тебя, и знаю, въ полпьяна
Мѣшалъ въ заздравіяхъ я ваши имена.

16.

Въ златомъ сіяніи лампады полусонной
И, отворя окно въ мой садикъ благовонной,
То прохлаждаемый, то въ сладостномъ жару,
Слѣдилъ я легкую кудрей ея игру:
Дыханьемъ полночи ихъ тихо волновало
И съ милаго чела красиво отдувало....
Дивился молча я волшебной красотѣ,
А мѣсяцъ медленно катился въ высотѣ.

17.

Уснуло озеро; безмолвенъ черный лѣсъ;
Русалка бѣлая небрежно выплываетъ;
Какъ лебедь молодой, луна среди небесъ
Скользитъ и двойника на влагѣ созерцаетъ.
Уснули рыбаки у сонныхъ огоньковъ;
Вѣтрило блѣдное не шевельнётъ ни складкой;
Лишь карпія, порой, плеснетъ у тростниковъ,
Оставя рѣзвый кругъ сребра на влагѣ гладкой.
Какъ тихо.... Каждый звукъ и шорохъ слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерываютъ.
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть шильникъ водяной русалки колыхаютъ.

18.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Сядь Ваѳилъ въ тѣни отрадной,
Здѣсь подъ деревомъ красивымъ;
Посмотри, до тонкой вѣтки,
Каждый нѣжный листъ трепещетъ.
Мимо съ сладостнымъ журчаньемъ
Пробирается источникъ.
Кто такое ложе лѣни
Увидавши проминуетъ?

19.

Многимъ богамъ въ тишинѣ я ѳиміамъ воскуряю,
Въ помощь не рѣдко съ мольбой многихъ героевъ зову;
Жертвую Музамъ, Дріадамъ, Нимфамъ рѣчистымъ и даже
Глупому Фавну весной первенца стадъ берегу.
Пѣсня же первая Вакху, мудрому сыну Семелы.
Ты, Діонисій въ вѣнкѣ, грозный владыка ума,
Всѣхъ доступнѣй моимъ мольбамъ и моимъ возліяньямъ,
Ты за утраты мои полной мнѣ чашей воздай....
Гдѣ недоступная дѣва, моихъ помышленій царица?
Въ мраморахъ Фидій своихъ равной не зрѣлъ никогда.
Я же сходнаго съ ней не зналъ созданья, — и что же?
Тирсу покорный, и ей клялся пожертвовать я.
Ждалъ я, безумный, забыться въ дыму и въ чаду приношеній
Новый Калхасъ уже мечъ дерзкой рукой заносилъ;

Мать природа вотще взывала какъ мать Клитемнестра.
Мигъ еще, мигъ — и тебѣ все бы принесъ я Лiей.
Мнѣ уже чудился плескъ волнъ забвенія въ барку;
Только заступница дѣвъ, дѣву чудесно спасла.
Дивно свѣтла предо мной Иѳигенія къ небу восходитъ,
Я же колѣномъ тугимъ въ бокъ упираю козла.

20.

КЪ КРАСАВЦУ.

Природы баловень, какъ счастливъ ты судьбой!
Всѣмъ нравятся твой ростъ и гордый обликъ твой,
И кудри пышныя безпечностью завиты,
И блѣдное чело, и нѣжныя ланиты,
Приподнятая грудь, жемчужной рядъ зубовъ,
И огненный зрачекъ, и бархатная бровь;
А дѣвы юныя, украдкой отъ надзора,
Толкуютъ твой отвѣтъ и выраженье взора,
И послѣ каждая, вздохнувъ наединѣ,
Промолвитъ: да! онъ мой — его отдайте мнѣ!
Какъ сонъ младенчества, какъ первое лобзанье,
Съ отрадой сладкою безумнаго желанья,
Ты, полонъ прелести, въ ихъ памяти живешь
И гребню въъ ихъ рукахъ искусство придаешь;

Не для тебя ль онѣ, съ улыбкою Авроры,
Находятъ новый взглядъ и новые уборы?
Когда же ложе ихъ одѣнетъ темнота,
Алкаютъ устъ твоихъ раскрывшись ихъ уста.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Эти думы, эти грезы
Безначальное кольцо
И текутъ ручьями слезы
На горячее лицо.
Сердце хочетъ, сердце проситъ,
Слезы льются въ два ручья,
Далеко меня уноситъ,
А куда — не знаю я.
Не могу унять стремленье,
Я не въ силахъ не желать:
Эти грезы — наслажденье!
Эти слезы— благодать!

2.

ХАНДРА.

(1).

Непогода—осень—куришь,
Куришь — все какъ будто мало.
Хоть читалъ бы, только чтенье
Подвигается такъ вяло;
Сѣрый день ползетъ лѣниво,
И болтаютъ нестерпимо

На стѣнѣ часы стѣнные
Языкомъ неутомимо;
Сердце стынетъ по немногу
И у жаркаго камина
Лѣзетъ въ голову больную
Все такая чертовщина!
Надъ дымящимся стаканомъ
Остывающаго чаю.
Слава Богу! по немногу,
Будто вечеръ, засыпаю....
Но болѣзненно-тревожна
Принужденная дремота.
Точно въ комнатѣ сосѣдней
Учатъ азбукѣ кого-то,
Или, кто ихъ знаетъ? гдѣ-то,
Въ кабинетѣ или въ залѣ,
Съ пискомъ, визгомъ, пляшутъ крысы
Въ худо-запертомъ роялѣ.

(2.)

Не ворчи, мой котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ;
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ;
Безъ тебя все та же печка,
Тѣ же окна, какъ вчера;
Тѣ же двери, та же свѣчка
И опять хандра....

У сосѣда ненарокомъ
Я сказалъ ей слова три
О прекрасномъ, о высокомъ —
Скука хоть умри!
Неотвязчивая вьюга
Разыгралася въ трубѣ....
Отъ двоякаго недуга
Такъ не по себѣ.
Не ворчи же, котъ мурлыка,
Въ неподвижномъ полуснѣ;
Безъ тебя темно и дико
Въ нашей сторонѣ.

(3)

Другъ мой! я сегодня боленъ;
Знать повѣтріе такое....
Право, я въ себѣ неволенъ,
Не найдусь никакъ въ покоѣ....
Не ошибся я въ надеждѣ:
Ты умна и молчалива,
Ты все та же, что и прежде:
И добра и горделива.
На дворѣ у насъ ненастье,
На дворѣ гулять опасно.
Дай мнѣ руку, дай на счастье....
У тебя тепло и ясно.
Ахъ, давно-ли у тебя я,—
Такъ безпечно, такъ лѣниво,—

Все на свѣтѣ забывая,
Былъ покоренъ молчаливо.
А теперь зачѣмъ въ углу томъ,
За широкою гардиной....
Вонъ, вонъ тотъ, что смотритъ плутомъ,
Съ черной мордою козлиной
Не могу не ненавидѣть
Этихъ глазъ въ досадной рожѣ!
Право, скучно, грустно видѣть
Каждый день одно и тоже.
Понимаю эти ласки,
Взоръ печали безпредѣльной.
Нѣтъ ли, другъ мой, нѣтъ ли сказки,
Нѣтъ ли пѣсни колыбельной,
Чтобы пѣснію смягчалось
То, что въ сказкѣ растревожитъ;
Чтобы сердце хоть пугалось,
Коль любить оно не можетъ.

5

На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяцъ длинной полосой;
Отъ незримыхъ устъ зефира
Влага блещетъ чешуей.
Все уснуло.... лишь мгновенной
Меркнетъ лучь во тьмѣ окна,
Да гитарой отдаленной
Тишина потрясена.

Да звѣзда съ высотъ эѳира
Раскатилася дугой....
На водахъ Гвадалквивира
Мѣсяцъ длинной полосой....

4.

ВЕНЕЦІЯ НОЧЬЮ.

Всплески волнъ сверкаютъ ярко,
Ударяя о гранитъ;
Дремлетъ левъ святаго Марка
И царица моря спитъ.

По каналамъ посребрённымъ
Опрокинулись дворцы
И блестятъ весломъ безсоннымъ
Запоздалые гребцы.

Звѣздъ сіяютъ миріады,
Чутко въ воздухѣ ночномъ;
Осребренныя громады
Вѣковымъ уснули сномъ.

5.

Подѣлись живыми снами,
Говори душѣ моей;
Чтò не выскажешь словами,
Звукомъ на душу навѣй.

6.

ВЕСНА.

Ужъ верба вся пушистая
Раскинулась кругомъ;
Опять весна душистая
Повѣяла крыломъ.
Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И въ душу мощно просятся
Блистательные сны.
Вездѣ разнообразною
Картиной занятъ взглядъ,
Шумитъ толпою праздною
Народъ — чему-то радъ.
Дитя тысячеглавое
Не знаетъ онъ, что въ немъ
Привѣтно-величавое
Зажглось святымъ огнемъ;

Что жизни тайной каждою
Невольно жизнь полна;
Что надъ душою каждою
Проносится весна.

7.

ПОСВЯЩЕНІЕ КЪ ФАУСТУ.

(Г—ву).

Вы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ!
Иль сердце къ вамъ полно опять стремленья,
Иль грудь хранитъ безуміе съ тѣхъ поръ?
Вы принеслись! Я полонъ умиленья;
Въ туманной мглѣ привѣтствую вашъ хоръ!
Трепещетъ грудь младенческими снами
Отъ волшебства, навѣяннаго вами.
Вы обновили свѣтлыхъ лѣтъ картину,
И много милыхъ ожило тѣней.
Подобно сагѣ, смолкшей вполовину,
Звучатъ любовь и дружба прежнихъ дней.
И больно мнѣ, — давнишнюю кручину
Несетъ мнѣ жизнь со всѣхъ своихъ путей,
И кличетъ тѣхъ, которыхъ въ мигъ участья
И унесло и обмануло счастье.
Имъ не слыхать послѣдующихъ пѣсенъ
Всѣмъ тѣмъ, кому я первыя пѣвалъ.

Кружокъ привѣтный избранныхъ сталъ тѣсенъ
И отголосокъ первый отзвучалъ.
Кому пою, тотъ кругъ мнѣ не извѣстенъ,
Его привѣтъ мнѣ сердце запугалъ;
А тѣ, чей слухъ мою и любитъ лиру,
Хотя въ живыхъ, разсѣяны по міру.
И вновь во мнѣ отвычное стремленье
Въ тотъ кроткій міръ къ задумчивымъ духамъ,
Неясное подъемлю пѣснопѣнье
Подобное эоловымъ струнамъ,
Проснулось въ строгомъ сердцѣ умиленье,
Невольно слезы слѣдуютъ слезамъ;
Все, чѣмъ владѣю, кажется мнѣ лживо,
А что̀ прошло—передо мною живо.

8

ДОБРЫЙ ДЕНЬ.

Вотъ снова ночь съ своей тоской безонной
Дрожитъ при блескѣ дня;
Съ улыбкою мой демонъ искушённой
Взираетъ на меня.
Онъ видитъ все—улыбку, вздохъ и слезы.
Пусть онъ ихъ видитъ — пусть!
Давнымъ давно безсонницу и грезы
Онъ знаетъ наизусть.
Пускай весна нарядъ свой пестрый кажетъ
И я вокругъ гляжу;

Онъ знаетъ все, что сердце твари скажетъ,
Что людямъ я скажу.
Ему смѣшно, что напередъ онъ знаетъ,
Чѣмъ дума занята,
Что ясно такъ и внятно, онъ читаетъ
По книгѣ живота.
Какъ мраморный, блестящій и холодной,
Мой прорицатель дня,
Съ улыбкой злой и-гордо благородной
Онъ смотритъ на меня.

9

КЪ КАРТИНѢ.

Не говори, что счастливъ я,
Что я хорошъ собой,
Что Богъ благословилъ меня
Прекрасною женой.

Не говори, что жизнь сулитъ
Мнѣ счастье впереди,
Что крошка сынъ нашъ тихо спитъ,
Прильнувъ къ родной груди.

Напрасныхъ словъ не расточай:
Не нуженъ мой отвѣтъ.
Взгляни въ глаза и отвѣчай:
Что счастливъ я иль нѣтъ?

Скажи, ты видишь по глазамъ,
По сердцу ль мнѣ покой?
Иль можетъ быть я жизнь отдамъ,
Помѣряться съ судьбой.

Отдамъ, что было мнѣ дано
Блаженства и тоски
За взглядъ, улыбку — за одно
Пожатіе руки.

10.

КУРГАНЪ.

Другъ вѣковъ, повѣренный преданій,
Ты одинъ средь братіи своей
Сохранилъ сокровищъ и дѣяній
Вѣковую тайну отъ людей.

Что же дубъ съ кудрявой головою
Не взращенъ твой подвигъ отмѣчать
И не свѣтитъ въ сумракъ надъ тобою
Огонекъ — избранія печать.

Какъ на всѣхъ, орелъ съ неизмѣримой
На тебя слетаетъ высоты
И срѣзаетъ плугъ неумолимой
Всѣхъ примѣтъ послѣдніе слѣды.

Чтожъ ты дремлешь, силой чудотворной?
Возрости темно-кудрявый дубъ,
Сокруши о камень непокорный
Злаго плуга неотвязный зубъ.

Оттого-то, странникъ безпримѣтный,
На степи я вѣчно здѣсь молчу,
Что навѣкъ въ груди мой кладъ завѣтный
Ото всѣхъ я затаить хочу.

11.

Полно спать: тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня.
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Дрожь въ рукахъ твои угрозы
Помню я; но дремлешь ты,
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цвѣты.

12.

Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!

Ты говоришь: не грусти!
Я замышляю признанья.

Дивный былъ вечеръ вчера!
Долго онъ будетъ въ поминѣ;
Всѣмъ — только намъ не пора:
Пламя блѣднѣетъ въ каминѣ.

Что же, къ чему этотъ взглядъ?
Гдѣ жъ мой язвительный холодъ?
Грусти твоей ли я радъ?
Знать я надмененъ и молодъ.

Чтожъ ты вздохнула? — цвѣсти
Цѣль вѣковая созданья;
Ты говоришь мнѣ: прости!
Я говорю: до свиданья!

ТУЧКА.

15.

Тучка челнъ-небесъ волною
Обданная паромъ,
Между мною и луною
Ты плывешь не даромъ:
Отъ луны твой свѣтъ, что ставитъ
Тронъ полночный Богу;
Отъ меня жъ возьми, что давитъ
Думу и тревогу.

Спитъ она — тяжелой битвой
Думъ не возмутима;
Ты жъ надъ ней съ моей молитвой
Пронесися мимо.

14.

СВОБОДА И НЕВОЛЯ.

Видишь, мы теперь свободны.
Вѣдь одно свобода съ платой:
Мы за каждый мигъ блаженства
Жизни отдали утратой.

Что жъ не вижу я улыбки?
Иль сильнѣй всего привычка?
Или ты теперь изъ клѣтки
Поздно пущенная птичка?

Птичка радость, другъ мой птичка,
Разлюби иную долю!
Видишь, я отверзъ объятья:
Полети ко мнѣ въ неволю.

15.

Сядь у моря — жди погоды.
Отъ чего жъ не ждать?
Будто воды наши годы
Станутъ прибывать.
Поразвѣетъ пылъ горячій,
Проминетъ бѣда
И подъ камень подъ лежачій
Потечетъ вода.
И отступится кручина,
Что свекровь стара;
Накидаетъ мнѣ пучина
Всякаго добра.
Будто воды наши годы
Станутъ прибывать.
Сядь у моря, жди погоды;
Отъ чего жъ не ждать?

16.

Б.......МЪ

при полученіи цвѣтовъ и нотъ.

Откуда вдругъ въ смиренный уголъ мой
Двоякой роскоши избытокъ,
Прекрасный даръ, нежданный и двойной,
Цвѣты и пѣсни дивной свитокъ?
Мой жадный взоръ къ чертамъ его приникъ.
Внемлю живительному звуку
И узнаю подъ бархатомъ гвоздикъ
Благоухающую руку.

17.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Сердце — незабудка!
Угомонъ возьми,
Хоть на мигъ разсудка
Голосу внемли.
Радъ принять душою
Всю болѣзнь твою!
Спи, Господь съ тобою,
Баюшки — баю!

Не касайся къ ранѣ:
Станетъ подживать!
Не тоскуй по нянѣ,
Что ушла гулять;
Это только шутка:
Няню жди свою.
Засыпай малютка,
Баюшки — баю!

А не то другая
Нянюшка прійдетъ,
Сядетъ молодая,
Пѣсни запоетъ:
»Посмотри, родное,
»На красу мою,
»Да усни въ покоѣ.
»Баюшки — баю!«

Чтожъ ты повернулось?
Старой няни жаль!
Знать опять проснулась
Старая печаль?
Знать пуста скамейка,
Даромъ что пою:
Что жъ она, злодѣйка?
Баюшки—баю!

Подожди; вотъ къ лѣту
Станешь подростать,
Колыбелку эту
Надо промѣнять.
Я кровать большую
Дамъ тебѣ свою
И свѣчу задую.
Баюшки — баю!

И долга кроватка,
И безъ няни въ ней
Спится сладко — сладко,
До скончанья дней.
Перестанешь биться
И на вѣкъ въ раю,
Только будетъ сниться
Баюшки — баю!

18.

Я зналъ ее малюткою кудрявой,
Голубоглазой дѣвочкой; она,
Казалось, вся изъ рѣзвости лукавой
И скромности румяной сложена.
И въ тѣ лѣта какой-то кругъ влеченья
Былъ у нея, и звалъ ее ласкать;
На ней лежалъ оттѣнокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.
Я зналъ ее красавицей; горѣли
Ея глаза священной тишиной.
Какъ свѣтлый день, какъ ясный звукъ свирѣли
Она неслась надъ грѣшною землей.
Я зналъ его — и какъ она любила,
Какъ искренно предъ нимъ она цвѣла,
Какъ много слезъ она ему дарила,
Какъ много счастья въ душу пролила!
Я видѣлъ часъ ея благословенья,
Дѣтей въ слезахъ, покинувшую мать;
На ней лежалъ оттѣнокъ предпочтенья
И женскаго служенія печать.

19.

Еще весна — какъ будто не земной
Какой-то духъ ночнымъ владѣетъ садомъ.
Иду я молча, — медленно и рядомъ.
Мой темный профиль движется со мной.

Полуодѣвшись, вѣтви предаютъ
Лазурь небесъ—туманъ подернулъ траву,
А я иду и радъ святому праву
Ходить—иду, и соловьи поютъ.

Несбыточное грезится опять,
Несбыточное въ нашемъ бѣдномъ мірѣ,
И грудь вздыхаетъ радостнѣй и ширѣ,
И вновь кого-то хочется обнять.

А будетъ время снова искупить
Весна природу будетъ торопиться;
Но это сердце перестанетъ биться
И ни чего не будетъ ужъ любить.

20.

ЛИХОРАДКА.

Няня, что-то все не сладко!
Дай-ка сахаръ мнѣ да ромъ:
Все какъ будто лихорадка,
Точно холоденъ нашъ домъ.

Ахъ! родимой—Богъ съ тобою,
Подойти нельзя къ печамъ.
При себѣ всегда закрою,
Топимъ жарко — знаешь самъ.

Ты бы шторку опустила....
Дай-ка книгу.... Не хочу,
Ты намѣдни говорила,
Лихорадка.... я шучу....

Что за шутка съ позаранокъ!
Ужъ повѣрь моимъ словамъ:
Сёстры девять лихоманокъ
Часто ходятъ по ночамъ.

Вишь нелегкая ихъ носитъ
Сонныхъ въ губы цѣловать!
Всякой болѣсти напроситъ
И пойдетъ тебя трепать.

Вѣрю, няня!... Нѣтъ-ли шубы....
Хоть всего не помню сна,
Цѣловала крѣпко въ губы —
Лихорадка ли она?

21.

О, не зови! страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ.
Ему внимать и плакать, какъ ребенокъ,
Я такъ привыкъ.
Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,

Я знаю край, гдѣ все, что можетъ сниться,
Трепещетъ въ явь.
Скажи, не я-ль на первыя воззванья,
Страстей въ отвѣтъ,
Искалъ блаженствъ, которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ?
Чтожъ? Рухнула со трескомъ колесница,
Хоть цѣль вдали,
И распростертъ заносчивый возница
Лежитъ въ пыли.
Я это зналъ—съ послѣднимъ увлеченьемъ
Конецъ всему;
Но самый прахъ съ любовью, съ наслажденьемъ
Я обойму.
Такъ предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, гдѣ все, что можетъ сниться,
Трепещетъ въ явь.
И не зови—но пѣсню на удачу
Любви запой.
На первый звукъ я какъ дитя заплачу —
И за тобой....

22.

Дитя, покорное любви,
Моихъ стиховъ не назови

Ты самолюбіемъ нескромнымъ.
О! нѣтъ! мой стихъ не могъ молчать,
На немъ легла твоя печать
Съ раздумьемъ тягостнымъ и томнымъ.

Не говорю тебѣ — прости!
Твоя судьба — одной цвѣсти;
Да мимо идетъ зовъ мятежной.
Какъ въ жизни разъ и въ пѣсни тожъ
Ты разъ мнѣ сердце потревожь
И уносись прекрасной, нѣжной!

И завтра свѣтлый образъ весь
Исчезнетъ тамъ, исчезнетъ здѣсь;
Про твой удѣлъ никто не спроситъ
И запахъ лиліи ночной
Не досягнетъ луны родной,
Полночный вѣтръ его разноситъ.

25.

А. Л. БРЖЕСКОЙ.

Я вамъ пророчилъ поклоненье,
Вѣнецъ прекрасному челу,
И расточалъ свое умѣнье
Воздать вамъ должную хвалу.

Теперь же слабый мой умишка
Небольше сдѣлаетъ добра,
Какъ театральная афишка
О пьесѣ, съигранной вчера.

24.

Подъ палаткою пунцовой,
Безъ невольниковъ, одинъ,
Съ одалиской чернобровой
Разстается властелинъ:

« Сара, Гурія Пророка,
Солнце дней, источникъ силъ,
Сара, утро не далеко
И проснется Азраилъ.

Гдѣ-то завтра, послѣ бою,
Снова ноги подогну?
Иль усталой головою
Беззаботно отдохну?

Съ новой ночью, съ новой кущей,
Пылкой страсти вопреки,
Не коснусь твоей цвѣтущей,
Нарумяненной щеки.

Предъ тобою на бездѣльи
Свой кальянъ не закурю

И въ глаза твои газельи
Полонъ думъ не посмотрю.

И рукой моей усталой
У тебя не обовью
Черныхъ косъ по фескѣ алой
Чешуйчатую змѣю.

25.

ЭОЛОВА АРФА.

Онъ.

По листамъ пронесся шорохъ,
Каждый мигъ въ блаженствѣ дорогъ,
Въ пѣсни каждый звукъ....
Тамъ, гдѣ первое не ясно,
Все, хоть будь оно прекрасно,
Исчезаетъ вдругъ.

Она.

О! не только что внимала,
Я давно предъугадала
Всѣ твои мечты....
Но настроенная выше,
Я разсказываю тише,
Что мечтаешь ты.

Онъ.

Я на всякіе звуки готовъ,
Но не самъ говорю я струной:
Только формы воздушныхъ перстовъ
Обливаю звончатой волной.
Отъ того-то въ разлукѣ съ тобой
Слышу я беззвучную дрожь,
Отъ того-то и ты узнаешь
Все, что здѣсь совершится со мной.

Она.

Если мнѣ повелитель вѣтровъ
Звука два перекинетъ порой,
Но такихъ, гдѣ трепещетъ любовь,
Я невольно пою за тобой....
Ахъ! запой поскорѣе, запой!
Ты не знаешь, что сталось со мной!
Этотъ перстъ такъ прозрачно хорошъ,
Подъ которымъ любовь ты поешь.

26.

Послѣ ранняго ненастья,
Что за ростъ и цвѣтъ обильный!
Ты даешь мнѣ столько счастья,
Что сносить лишь можетъ сильный.

Нынѣ чувства стали рѣдки,
Ты же мнѣ милѣй свободы;
Но боюсь я той бесѣдки,
Гдѣ у ногъ почіютъ воды.

Сердце чуетъ, что не даромъ
Нынче счастіе такое;
Я въ водѣ горю пожаромъ,
А въ глазахъ твоихъ такъ вдвое.

27.

Мудрымъ нужно слово свѣта,
Дружбѣ сладокъ гласъ участья;
Но влюбленный ждетъ привѣта —
Обновительнаго счастья.

Я-жъ не знаю въ жизни здѣшней,
Думы-ль правы, чувства-ль правы;
Отъ чего такъ мѣсяцъ вешній
Жемчугомъ осыпалъ травы.

Что онѣ дрожатъ, какъ слезы
Голубаго неба очи,
И за чѣмъ въ такія грезы
Манитъ мглу любовникъ ночи?

Ждетъ онъ что ли? Мнѣ сдается,
Что напрасно я гадаю.
Слышу сердце чаще бьется,
И со мною что? — не знаю.

28.

Мы съ тобой не просимъ чуда:
Только истинное чудно.
Нѣтъ для духа больше худа,
Какъ увлечься безразсудно.

Нынче, завтра — кругъ волшебный
Будетъ нѣмъ и будетъ тѣсенъ;
Оглянись и міръ вседневный
Многоцвѣтенъ и чудесенъ.

Время жизни скоротечно,
Но въ одномъ предѣлѣ круга
Наши очи могутъ вѣчно
Пересказывать другъ друга.

29.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой;
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера — пришелъ я снова,
Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть — но только пѣсня зрѣетъ.

30.

ДАЛЬ

Облакомъ волнистымъ
Прахъ встаетъ вдали;
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли!

Вижу: кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ.
Другъ мой, другъ далёкій,
Вспомни обо мнѣ!

31.

МОЯ УНДИНА.

Она рѣзва
Какъ рыбка:
Ея слова
Такъ гибко
Шутить въ рѣчи
Готовы,
И что ключи
Все новы....
Она свѣтлѣй
Фонтана,
Она скрытнѣй
Тумана;
Не много зла,
Ревнива....
За то мила
Надиво.

32.

ПЕРЧАТКА.

Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой залогъ

Душистой ночи,
Гдѣ при свѣчахъ
Глядѣлись очи
Въ моихъ очахъ;
Гдѣ вихрь круженій
Качалъ цвѣты,
Гдѣ легче тѣни
Носилась ты;
Гдѣ я, какъ школьникъ,
За мотылькомъ,
Иль какъ невольникъ,
Нуждой влекомъ,
Слѣдилъ твой сладкой,
Душистый кругъ,
И вотъ украдкой,
Мой нѣжный другъ,
Перчатку эту
Я подстерегъ:
Она поэту
Нѣмой залогъ.

35.

На зарѣ ты ея не буди,
На зарѣ она сладко такъ спитъ;
Утро дышетъ у ней на груди,
Ярко дышетъ на ямкахъ ланитъ;

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И чернѣясь бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера у окна ввечеру
Долго, долго сидѣла она,
И слѣдила по тучамъ игру,
Что скользя затѣвала луна.

И старалась понять темноту,
Гдѣ свисталъ и урчалъ соловей
То на небѣ, то въ звонкомъ саду;
Билось сердце слышнѣе у ней.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ свололовей,
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ.
Не буди жъ ты ее, не буди
На зарѣ — она сладко такъ спитъ!

34.

Какая холодная осень!
Надѣнь свою шаль и капотъ,
Смотри: изъ-за дремлющихъ сосенъ
Какъ будто пожаръ возстаетъ.

Сіяніе сѣверной ночи
Я помню всегда близь тебя,
И свѣтятъ фосфорныя очи,
Да только не грѣютъ меня.

35.

ДЕРЕВНЯ.

Люблю я пріютъ вашъ печальный,
И вечеръ деревни глухой,
И за лѣсомъ благовѣстъ дальный,
И кровлю и крестъ золотой.
Люблю я немятаго луга
Къ окну подползающій паръ
И тѣснаго тихаго круга
Не разъ долитой самоваръ.
Люблю я на тѣхъ посидѣлкахъ
Старушки чепецъ и очки;
Люблю на окнѣ на тарелкахъ
Овса золотые злачки;

На столикѣ близко къ окошку
Корзину съ узорнымъ чулкомъ
И по полу рѣзвую кошку
Въ прыжкахъ за проворнымъ клубкомъ;
И милой застѣнчивой внучки
Красивый дѣвичій нарядъ,
Движеніе блѣдненькой ручки
И робко опущенный взглядъ;
Прощанье смолкающихъ пташекъ,
И мѣсяца блѣдный восходъ,
Дрожанье фарфоровыхъ чашекъ,
И рѣчи замедленный ходъ;
И собственной выдумки сказки,
Прохлады вечерней струю,
И васъ любопытные глазки,
Живую награду мою.

56.

Ахъ, дитя, къ тебѣ привязанъ
Я любовью безвозмездной!
Нынче ты, моя малютка,
Снилась мнѣ въ коронѣ звѣздной.
Что за искры эти звѣзды!
Что за кроткое сіянье!
Ты сама, моя малютка,
Что за свѣтлое созданье!

37.

Въ небесахъ летаютъ тучи,
На листахъ сверкаютъ слёзы;
До росы шипки грустили,
А теперь смѣются розы.

Послѣ грома воздухъ чище
И свѣжѣе дышатъ люди;
Подъ рѣсницей орошенной
Какъ-то легче жаркой груди.

На природѣ съ каждой каплей
Зеленѣетъ вся одежда;
Въ небѣ радуга сіяетъ,
Для души горитъ надежда.

38.

УЗНИКЪ.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ,
Зеленая ива
Повисла шатромъ;
Веселыя лодки
Въ дали голубой;

Желѣзо рѣшотки
Свиститъ подъ пилой.
Отпѣтое горе
Уснуло въ груди,
Свобода и море
Горятъ впереди.
Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушаетъ ухо
И пилитъ рука.

39.

Ночь. Не слышно городскаго шума,
Въ небесахъ звѣзда, и отъ нее,
Будто искра, заронилась дума
Тайно въ сердце грустное мое.

И свѣтла, прозрачна дума эта,
Будто милыхъ взоровъ мѣткій взглядъ;
Глубь души полна роднаго свѣта,
И давнишней гостьѣ опытъ радъ.

Тихо все, покойно, какъ и прежде;
Но рукой незримой снятъ покровъ
Темной грусти. Вѣрѣ и надеждѣ
Грудь раскрыла, можетъ быть, любовь.

Чтожъ такое? Близкая утрата
Или радость? — Нѣтъ, необъяснишь; —
Но оно такъ пламенно, такъ свято,
Что за жизнь Творца благодаришь.

40.

ВИДѢНІЕ.

Не ночью, не лживо
Во снѣ пролетѣло видѣнье;
Свершилося диво:
Землѣ подобаетъ смиренье.
Прозрачныя тучи
Надъ дикой Печерской горою
Сплывалися въ кучи
Подъ зыбью небесъ голубою.
И юноши въ бѣломъ
Летали отъ края до края,
Прославленнымъ тѣломъ
Очамъ умиленнымъ сіяя.
На тучахъ высоко
Все выше, въ сіяніи славы,
Замѣтно для ока,
Вставали Печерскія главы. . . .

41.

AVE MARIA.

Avec Maria — лампада тиха,
Въ сердцѣ готовы четыре стиха:
Чистая Дѣва, скорбящаго Мать,
Душу проникла Твоя благодать.

Неба Царица! не въ блескѣ лучей,
Въ тихомъ предстань сновидѣнiи ей!
Ave Maria,—лампада тиха,
Я прошепталъ всѣ четыре стиха.

42.

Опять я затеплю лампаду
И вѣчную книгу раскрою,
Опять помолюся Пречистой
Съ невольно-горячей слезою.

Опять посѣтитъ меня радость
Безъ бури тоски и веселья,
И снова безмолвныя стѣны
Раздвинетъ уютная келья.

Прочь горе земное: одно лишь
Про землю напомнитъ мнѣ внятно,
Когда, обращая страницу,
Увижу прозрачныя пятна.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

I.

Красавица-рыбачка,
Причаль свою ладью,
Поди и сядь со мною,
Дай руку мнѣ свою;
Довѣрчиво головкой
На грудь склонись ко мнѣ:
Вѣдь ты жъ себя ввѣряешь
Безпечно глубинѣ.
Съ приливомъ и отливомъ
Что море — грудь моя,
И много чудныхъ перловъ
Во глубинѣ ея.

II.

На сѣверѣ дубъ одинокій
Стоитъ на пригоркѣ крутомъ;
Онъ дремлетъ — сурово покрытый
И снѣжнымъ и льдянымъ ковромъ.
Во снѣ ему видится пальма,
Въ далекой восточной странѣ,
Въ безмолвной глубокой печали,
Одна на горячей скалѣ.

III.

Изъ слезъ моихъ много родится
Роскошныхъ и пестрыхъ цвѣтовъ;
И вздохи мои обратятся
Въ полуночный хоръ соловьевъ.
Дитя! если ты меня любишь,
Цвѣты всѣ тебѣ подарю,
И пѣснь соловьиная встрѣтитъ
Подъ милымъ окошкомъ зарю.

IV.

Хотѣлъ я съ тобою остаться,
Забыться, моя красота;
Но было намъ должно разстаться:
Ты чѣмъ-то была занята.
Тебѣ я сказалъ, что связала
Намъ души незримая связь,
Но ты отъ души хохотала
И ты мнѣ присѣла смѣясь.
Страданья прибавить умѣла
Ты чувствамъ влюбленнымъ моимъ
И даже польстить не хотѣла
Прощальнымъ лобзаньемъ твоимъ.
Не думай, что я застрѣлюся,
Какъ мнѣ и ни горекъ отказъ;
Все это, мой другъ, признаюся,
Со мною бывало не разъ.

V.

Твои пылаютъ щеки
Румянцемъ лѣтнихъ розъ,
А у тебя на сердцѣ
Рождественскій морозъ

Измѣнится все это —
Увидишь ты сама:
На сердцѣ будетъ пламя
И на щекахъ зима.

VI.

По бульварамъ Саламанки
Воздухъ благотворной;
Тамъ въ прохладный лѣтній вечеръ
Я гуляю съ милой донной.

Я рукой нетерпѣливой
Обнялъ стройное созданье,
И блаженнымъ пальцемъ слышу
Гордой груди волнованье.

Но по липкамъ слышенъ шепотъ
Чѣмъ-то полный невеселымъ,
И ручей внизу плотины
Злобно грезитъ сномъ тяжелымъ.

Ахъ, сеннора, чуетъ сердце,
Скоро буду я въ изгнаньи;
По бульварамъ Саламанки
Не ходить намъ на гуляньи.

VII.

Какъ цвѣтъ ты чиста и прекрасна,
Нѣжна какъ цвѣтокъ по веснѣ;
Взгляну на тебя, и тревога
Прокрадется въ сердце ко мнѣ.

И, кажется, будто бъ я руки
Тебѣ на чело возложилъ,
Молясь, чтобы Богъ тебя чистой,
Прекрасной и нѣжной хранилъ.

VIII.

Ахъ, опять все тѣже глазки,
Что такъ нѣжно улыбались,
И опять все тѣже губки,
Что такъ сладко цаловались!

Этотъ голосъ, что внимать я
Такъ любилъ — не измѣнился;
Только самъ ужъ сталъ не тотъ я,
Измѣнешымъ воротился.

Вновь меня объемлютъ страстно
Эти пламенныя руки;
Но лежу у ней на сердцѣ
Полонъ холода и скуки.

IX.

Какъ луна, свѣтя во мракѣ,
Прорѣзаетъ паръ густой,
Такъ изъ темныхъ лѣтъ выходитъ
Свѣтлый образъ предо мной.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Гордо Рейнъ судно качалъ,
Поздній лучь младую зелень
Береговъ озолочалъ.

И у ногъ прекрасной дамы
Я задумчиво сидѣлъ:
Блѣдный ликъ ея на солнцѣ
Краснымъ пламенемъ горѣлъ.

Струны ныли, хоры пѣли,
Жизнь была такъ хороша,
Небо тихо голубѣло,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо насъ,
И все это улыбалось
Мнѣ въ прекрасной парѣ глазъ.

X.

Ланитой къ ланитѣ моей приложись —
Тогда наши слезы сольются
И сердцемъ тѣснѣе мнѣ къ сердцу прижмись—
Огнемъ онѣ общимъ зажгутся.

И если въ тотъ пламень польются рѣкой
Тѣ общія слезы мученья,
Я, крѣпко тебя охвативши рукой,
Умру отъ тоски наслажденья.

XI.

Дитя! мои пѣсни далеко
На крыльяхъ тебя унесутъ,
Къ долинамъ Гангесова тока:
Я знаю тамъ лучшій пріютъ.

Тамъ свѣтомъ луны обливаясь,
Въ саду все красивѣя цвѣтетъ,
И лотоса цвѣтъ преклоняясь,
Сестрицу завѣтную ждетъ.

Смѣясь, незабудкины глазки
На дальнія звѣзды глядятъ,
И розы душистыя сказки
Другъ другу въ ушко говорятъ.

Притрянувъ, внима полынія,
Тамъ смирно газели глядятъ;
А тамъ, въ отдаленіи, волны
Священнаго тока шумятъ.

И тамъ мы подъ пальмой младою
Любви и покоя полны,
Склонившись, уснемъ и съ тобою
Увидимъ блаженные сны.

XII.

Я плакалъ во снѣ: мнѣ приснилось,
Что другъ мой во гробѣ лежитъ —
И я проснулся, и долго
Катилися слезы съ ланитъ.

Я плакалъ во снѣ: мнѣ приснилось,
Что ты разстаешься со мной —
И я проснулся, и долго
Катилися слезы рѣкой.

Я плакалъ во снѣ: мнѣ приснилось,
Что ты меня любишь опять —
И я проснулся, и долго
Не въ силахъ я слезъ былъ унять.

XIII.

ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ.

На горѣ стоитъ избушка,
Гдѣ живетъ старикъ сѣдой;
Тамъ сосна шумитъ вѣтвями,
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой.

Посреди избушки кресло,
Пышно рѣзаны края;
Кто на нихъ сидитъ, тотъ счастливъ,
И счастливецъ этотъ — я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Опершись на локотокъ;
Глазки — звѣзды голубыя,
Ротикъ — розовый цвѣтокъ.

И малютка эти звѣзды
Кротко на меня взвела,
И лилейный пальчикъ хитро
Къ розѣ устъ приподняла.

Нѣтъ, ни кто насъ не увидитъ:
Мать такъ пристально прядетъ
И отецъ подъ звуки цитры
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо,
Тихо, звуки затая;
Много тайнъ немаловажныхъ
Отъ нея развѣдалъ я.

«Но какъ тетушка скончалась
И ходить нельзя ужъ намъ
Въ Госларъ, гдѣ стрѣльба бываетъ,
А веселье только тамъ.

«Я же робкая такая!
Какъ ребенку страшно мнѣ
Знать, что ночью злые духи
Бродятъ въ нашей сторонѣ.»

Вдругъ малютка пріумолкла,
Будто словъ страшась своихъ,
И рученками прикрыла
Звѣзды глазокъ голубыхъ.

Пуще вѣтръ шумитъ сосною,
Прялка воетъ и реветъ,
И подъ голосъ звонкой цитры
Пѣсня старая поетъ:

«Не страшись, моя малютка,
Покушеній власти злой;
День и ночь, моя малютка,
Серафимы надъ тобой.»

XIV.

ПОСЕЙДОНЪ.

Солнце лучами играло
Надъ моремъ катящимъ далеко валы;
На рейдѣ блисталъ въ отдаленьи корабль,
Который въ отчизну меня поджидалъ,
Только попутнаго не было вѣтра,
И я спокойно сидѣлъ на бѣломъ пескѣ
Пустыннаго брега;
Пѣснь Одиссея читалъ я — старую,
Вѣчно юную пѣснь. — Изъ ея
Моремъ шумящимъ страницъ, предо мной
Радостно жизнь поднималась
Дюханьемъ боговъ,

И свѣтлой весной человѣка,
И небомъ цвѣтущимъ Эллады.
Благородное сердце мое съ участьемъ слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ путяхъ многотрудныхъ его;
Садилося съ нимъ въ печальномъ раздумьи
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
Лгать и удачно ему убѣгать помогало
Изъ объятія нимфъ и пещеръ исполиновъ;
За нимъ въ Киммерійскую ночь и въ ненастье
И въ кораблекрушенье,
И съ нимъ несказанное горе терпѣло.
Вздохнувши сказалъ я: «Злой Посидоанъ,
«Гнѣвъ твой ужасенъ,
«И самъ я боюсь
«Не вернуться въ отчизну.»
  Едва я окончилъ,
Запѣнилось море,
И богъ морской изъ бѣлѣющихъ волнъ
Главу осокою вѣнчанную поднялъ,
Сказавши въ насмѣшку:
«Что ты боишься, поэтикъ?
Я ни мало не стану тревожить
Твой бѣдный корабликъ,
Не стану въ раздумье о жизни любезной тебя
Вводить излишнею качкой,
Вѣдь ты поэтикъ, меня никогда не сердилъ:
Ни башенки ты не разрушилъ у вратъ
Священнаго града Пріама,
Ни волоса ты не спалилъ на глазу

Полифема любезнаго сына,
И тебѣ не давала совѣтовъ ни въ чемъ
Богиня ума — Паллада Аѳина.»
Такъ воззвалъ Посейдонъ,
И въ море опять погрузился,
И надъ грубою остротой моряка
Подъ водой засмѣялись
Амфитрида — женщина-рыба
И глупыя дщери Нерея.

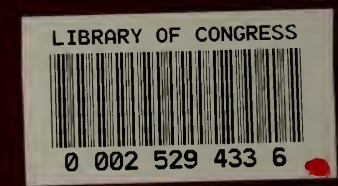
КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XV. Изъ Гейне:

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Granville, Pa
Sept.-Oct. 1987


LIBRARY OF CONGRESS
0 002 529 433 6